

*Управление культуры мэрии города Ярославля
Муниципальное учреждение культуры
Централизованная библиотечная система города Ярославля*

**Центральная городская библиотека
имени М.Ю. Лермонтова**

Россия Лермонтова

***Материалы
Вторых Лермонтовских чтений***

83.3Р1
К 87

Россия Лермонтова : материалы Вторых Лермонтовских чтений. Октябрь 2001 г. / Упр. культуры мэрии г. Ярославля, МУК «ЦБС г. Ярославля», ЦБ им. М. Ю.Лермонтова. Ярославль: Рико-Пресс, 2011. — 53 с.

Материалы сборника издаются в авторской редакции
© Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города
Ярославля»
© Текст – авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

1. **М.Ю. Лермонтов. Мифология творческой личности**
Гудкова А.А., ассистент кафедры культурологии ЯГПУ им.
К.Д. Ушинского.....4
2. **Тенденция духовной энтропии: путь от Константина Батюшкова к
«странным» героям Лермонтова**
Левагина С.Н., заместитель директора Ярославской областной юношеской
библиотеки имени А.А. Суркова.....6
3. **Память любви, память земли: Михаил Лермонтов, Наталья Иванова-
Обрескова, Варвара Лопухина-Бахметева**
Белов Д., учащийся школы № 69, 9 «А» класс Научные руководители —
С.Н. Вельковский, М.Н. Лебедева.....13
4. **Возвращение Натальи Арсеньевой: белорусская поэтесса, дальняя
родственница М.Ю. Лермонтова**
Нечай С.Д., научный сотрудник Дома-музея М. Богдановича.....22
5. **С нами Бог! Музыкальное наследие священника и композитора
Василия Зиновьева**
Дерен О.В., представитель Благотворительного фонда священника и
композитора В.Н. Зиновьева.....24
6. **Лермонтов и Кавказ: чеченцы в произведениях поэта**
Хасиев Н.-Э.А., Президент Ярославского общества чечено-ингушской
культуры «Вайнах».....28
7. **Иван Никитич Скобелев. Воин и писатель - современник
М.Ю. Лермонтова**
Третьякова Т.А., ведущий методист Угличского филиала Государственного
архива Ярославской области.....33
8. **Ярославская усадьба профессора Зиновьева**
Землянская Н.С., историк-краевед, член президиума городского отделения
ВООПиК.....41
9. **Лермонтов как непосредственный предтеча и «Учитель» Некрасова**
Н.Н.Пайков доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д.
Ушинского.....47

М.Ю. Лермонтов. Мифология творческой личности

1. В центре моего внимания будут находиться те метаморфозы, которые претерпевает фигура М.Ю. Лермонтова в сознании широкого круга читателей.

Мифологизированная фигура Лермонтова – это фигура идеализированная и героизированная. Превращение в классика чревато потерями. Зазор между жизнью и творчеством ведет к тому, что, в глазах мифа, классик утрачивает личностную значительность: в пользу ли одного только своего статуса; в пользу безличного «литературного процесса»; в пользу собственных персонажей. Перекос в сторону биографии ведет к установке, что тексты его можно уже и не читать.

2. Мифологизированная фигура Лермонтова отвечает противоречивым запросам и способна примирить в оценке разные полюса: для Н.В. Гоголя Лермонтов – «великий живописец русского быта», для С.П. Шевырева – «эпигон-байронист»; ортодоксы любят его за молитвенную поэзию, за «Ангела», богоборцы – за стихотворение «с Небом гордая вражда»; демократы – за «Бородино», охранители – тоже за «Бородино», но в другой рамке.

3. Отсюда следует возможность тенденциозного манипулятивного использования фигуры Лермонтова как «знамени» в борьбе.

4. С этим же связана догматизация избранных фактов и сакрализация авторитетных оценок Лермонтова (главным образом советская мифология). Претензия на окончательное знание порождает попытку демифологизации («истинное знание» против «ереси»), различение интерпретаций «наш Лермонтов – не наш Лермонтов», «правильный – неправильный».

5. Собственно содержание мифологии. Лермонтовская мифология – уникальная ценностно-фактологическая система, в основе которой лежит мифотворческий импульс самого поэта, проявляющая жизнеспособность вплоть до наших дней. Все факты жизни Лермонтова, способные стать основой мифологического сюжетосложения (детство в драматических обстоятельствах, поэтическое ученичество, страсти и конфликты; известность, подобная взрыву, опала и странствия, влияние имени на судьбу) – получают мифологическую обработку. Это смешение и игнорирование фактов, вчитывание и редукция смыслов, гиперболизация, внелогические объяснения, эмоциональность, субъективность. Основные

структурные принципы мифологизации – наличие четкого сюжета и четкого, функционально оформленного персонажа.

При этом биографическая составляющая преобладает над художественными. Так, специфически «литературные» миф демонизма и миф тождества автора и героя (Демон, Печорин) получают смысл не сами по себе, а с точки зрения результата, сказавшегося на биографии.

6. Пример – смерть Лермонтова. Содержательное наполнение может быть разным, для мифа недопустима только случайность, он стремится найти выразительное объяснение. В концепции дуэли-злодеяния четко прослеживается расстановка сил (положительный герой и его антагонисты: сам император Николай I, его подручный Бенкендорф, Мартынов или неизвестное лицо, наемный убийца, стрелявший из кустов на скале). Так же прослеживается завязка (конфликт с царем – момент прочтения знаменитого «прибавления» к «Смерти поэта»), кульминация, развязка. В концепции, связывающей в мифологической логике любовь и смерть, завязка определяется возникновением треугольника Лермонтов, Мартынов и дама, на место которой миф подставляет разные реальные фамилии (Э.А. Клингенберг, Н.С. Мартынова).

Миф о смерти включает в себя ретроспективную актуализацию фактов чудесного характера: предчувствий, предзнаменований, предсказаний, якобы имевших место (сообщения Ю. Самарина, Е. Ростопчиной и др. о мучивших поэта предчувствиях; мотив жребия, определившего Лермонтову роковую дорогу в Пятигорск; недоказанный факт посещения Лермонтовым в Петербурге гадалки А.Ф. Кирхгоф, являющейся персонажем пушкинской мифологии). Мифологически осмыслены мотивы, причины дуэли (миф стремится «разгадать истинную причину»); ее обстоятельства (выстрел в воздух; гроза среди ясного неба). Достоянием мифологической интерпретации является недоказуемое убеждение, что Лермонтов предугадал и накликать свою смерть, рисуя ее образы в художественных текстах («Сон» – смерть от пули; «Герой нашего времени» – Кавказ, поединок; «Смерть поэта» – ситуация, описанная словами «Его убийца хладнокровно Навел удар – спасенья нет...» и т.д.).

Миф о смерти в итоге максимально способствует выходу фигуры Лермонтова за пределы чисто биографической мифологии – в надбиографическую вечность (феномен праздника – «юбилея смерти» в 1941 г.).

7. Значение биографической мифологии Лермонтова можно определить, исходя из осмысления иерархического характера, который носит диада «Пушкин – Лермонтов». Мифологическому сознанию присуще сравнение по количественному принципу «кто больше гений». Пушкину

неотменяемо принадлежит первое место, фигура Лермонтова при нем неизбежно вторична, второразрядна, но и дополнительна. Роль лермонтовской мифологии, на мой взгляд, состоит в возможности рецепиента демонстрировать через ее посредство индивидуальную культурную позицию: с семантикой нестандартности, альтернативности, маргинальности.

*Левагина С.Н.,
заместитель директора Ярославской областной юношеской
библиотеки им. А.А. Суркова.*

Тенденция духовной энтропии: путь от Константина Батюшкова к «странным» героям Лермонтова

Сначала об энтропии. Речь идет о том, что в замкнутых объемах Вселенной действует закон энтропии, т.е. мертвая материя стремится к хаосу и тепловой смерти¹.

Академик В.В. Струминский², продолжив эту мысль в своих исследованиях, показал, что сложные молекулярные системы интенсивнее стремятся к хаосу, к тепловой смерти, чем более простые. И тут же задался вопросом: почему значительно более сложно организованные живые системы тут же не распадаются? Вывод один: потому что они одухотворены. «Лишенная духа биологическая система тут же становится простым набором химических элементов и умирает. Вступает в свои права закон возрастания энтропии»³.

Выходит, духовный мир, созданный человеком для противостояния мертвой материи – и есть основное назначение человека. Это вывод ученого. И он не кажется нам новостью, потому что об этом десятилетия

¹ Эта идея, в частности, была высказана австрийским ученым Л. Больцманом, построившим кинетическую теорию газов, жидкостей и твердых тел.

² В.В. Струминский – физик, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий.

³ Струминский В.В. Духовный мир противостоит хаосу// Наука и религия.- 1992.- № 10.- с. 2.

и даже столетия назад писала великая русская литература⁴. Удивительно другое: единство духовного поля этой литературы, взаимопроникновение идей, мыслей, чувств, не зависящее от времени создания произведений. Часто случается так, что на сложнейшие вопросы бытия, даже, казалось бы, самые новые и современные, ответы неожиданно находятся у русских писателей, живших задолго до этой самой современности.

Духовное (вечное) и материальное (конечность нашей жизни) в постоянном конфликте. Накал конфликта создает творческий потенциал, который движет историей. При разрыве же связи духовного и материального, сознательного и бессознательного – творческий потенциал исчезает, что «может привести к кризису и даже гибели культуры», - считает Леонид Перловский⁵. И говорит о «молодости» русской культуры и русского языка, которая видна в структуре грамматики, падежных и родовых флексиях, эмоциональной окраске слов, а, главное, в той самой тесной связи созидательного и бессознательного, что дает невероятный творческий потенциал, ведущий к адекватному восприятию мира, а значит, к гармонии. Такова она, русская литература.

Мне близка, в частности, мысль исследователя Александра Панарина⁶ о неожиданной современности лермонтовского демонизма. «Забьёшь? – забвенья не дал бы Бог// Да он бы и не взял бы забвенья». Не этот ли романтический опыт духовно богатой личности, пережитый Лермонтовым, переживают многие наши люди, которые хотят «отказаться в достоинстве, в духовном первородстве. Им заявляют, что их прошлое ничтожно и его следует предать забвению, что поприще, к которому они себя готовили, презренно, а вера и знания, ими выстраданные, пусты, фальшивы и ничего не стоят. Словом, от них требуют забвения самих себя» (с. 13).

Однако вывод исследователя о том, что чарующий каждого из нас Печорин близок нам, прежде всего, своим «непобедимо разрушитель-

⁴ Например, Вяч. Вс. Иванов: «В какой-то мере вся человеческая культура до сих пор остается протестом против смерти и разрушения, против увеличивающегося беспорядка или увеличивающегося единообразия - энтропии»// Цит. по: Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века.- М.: Сов. писатель, 1989, с. 6-7.

⁵ Перловский Л.И. Мистика духовного и математика интеллекта// Звезда.- 2001.- № 8.- С. 174-196.

⁶ Панарин А. Завещание трагического романтика// Москва.- 2001.- № 7.- с. 3-41

ным обаянием», ибо конечное слово о России всегда принадлежит разрушителям, а не создателям, кажется мне плоским и неглубоки. Ему можно противопоставить верное, на мой взгляд, высказывание Ирины Шихваргер о творческом потенциале Печорина, который виден в его «Дневнике» (вспомним, к примеру, поэтичнейшую, блистательную «Тамань» - этот прорыв к высокому через воплощение красоты жизни в слове). Как раз именно в лишении героя творческого начала проявляется его «богооставленность». И действительно, разве при встрече с Максимом Максимычем Печорин осознается нами победителем, с которым хочется себя идентифицировать?

Выходит, интересно в нем именно наличие возможности высокой духовной составляющей, на проявление которой мы уповаем вместе с любящей его Верой.

Не случайся столько общего в «автопортрете» Печорина и мотивах ранней откровенной лирики самого Лермонтова.

Вопросы, которые его мучают, кажутся не только неразрешимыми, но и заданными впервые. Например, внутренняя раздвоенность как основа характера. Впервые? А вот эти строки вам никого не напоминают?

«Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, каких много! Вот некоторые черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лет. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое – умирал. В походе он никогда не унывал и всегда был готов жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся; в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя...

В нем два человека. Один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил. Другой человек... - злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Он жил в аде – он был на Олимпе... Он благословен, он проклят каким-то гением...»⁷

Да, это, кажется, «странный» человек Лермонтова, тот же Печорин. Тот же, да не тот. Есть существенное различие:

«Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в гла-

⁷ Батюшков К.Н. Избранная проза.- М.: Сов. Россия, 1987.- с. 268-270

за, так найдешь доброго: надобно только смотреть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знает его с профили!... Но в дружестве, когда дело идет о дружестве, черному нет места: белый на страже!..⁸ Или, говоря стихами, Пусть он «езде равно зевал,

Но дружбы и тебя нигде не забывал».

Я цитировала автопортрет Константина Батюшкова.

И именно в таком, казалось бы, незначительном различии в характеристике «двойственной» личности зашифрована правота той дороги, которая тоже может привести к смерти на дуэли, но в реальном или мысленном окружении друзей, жаждущих подставить взамен свою грудь под роковую пулю (вспомним гибель Пушкина).

И никогда такая дорога не приведет к оставленности всеми в минуту смерти – под грозовыми раскатами, под струями дождя у подножия Машука. Интуитивно Лермонтов шел в том же направлении, но, в силу его молодости, ему не хватило «взлетной полосы».

Чтобы понять суть уроков Батюшкова, которые, оказывается, могут быть насущными и для более поздних гениев, обратимся к некоторым сопоставлениям. И, это, прежде всего, те внутренние муки Лермонтова, что являются данью его юношеским комплексам и пути преодоления которых мы находим в творчестве Батюшкова.

Миф об оторванности Лермонтова от мнения света, от его целей тут же рассеивается, когда мы воспринимаем не декларацию желаемого, а поэтические строки, в которых сама искренность:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святини,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.⁹ (1832 г.)

⁸ Там же

⁹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х томах.- Т. 1.- М.: Худож. лит., 1983.- с. 269. Стихотворение посвящено В.А. Лопухиной.

Стихотворение посвящено Вареньке Лопухиной. Откуда это чувство стыда за свое поклонение перед простым и высоким в любви? Оттого, что оценивать должны те, кому этих чувств не понять, но мнение которых важнее почему-то даже того голоса, что звучит в душе поэта с колыбели, его памяти о матери. Это для них ведутся поиски в архивах, чтобы найти благородного предка, их нужно заставить завидовать и уважать.

И как тут не вспомнить другое описание возлюбленной, батюшковское:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся влосов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он.
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон. (1815 г.)

Здесь тоже подчеркнута простота, но «моей пастушки несравненной». И именно оттого, что ее не сравнивают с первыми красавицами, с богинями света, ее образ и приобретает подлинное величие. И данный любовью, прошедший через сердце – высшую инстанцию, по сравнению с рассудком, этот портрет вызывает не стыд, а сладость даже в печали и, странным образом, только добавляет высоты и достоинства автору. И речи не может быть о насмешке толпы, которой так страшится юный Лермонтов.

Что же он такое – рассудок, перед которым ничтожны движения сердца? Ведь, например. Печорин боится снизойти к искреннему общению с Максим Максимычем именно из-за уверенности превосходства своего ума. Каждый из нас боится упрощения собственного духовного

мира, но вот вопрос: исключает ли приверженность к добру упоительную сложность духовной жизни? Хладному уму кажется, что простота и добродетель смертельно скучны. Но именно холодному уму. Какими сложными, многоцветными красками расцветает эта «скушная» добродетель и простота, пропущенная через сердце, говорит нам Батюшковский опыт. Прочтите его воспоминания о Петине в стихах и прозе, воспоминания о простом офицере, друге, погибшем на поле боя. Батюшков страдает, что человек высокой души, казалось бы, особыми талантами не прославившийся, ушел из этого мира неоцененным. И силой своего поэтического дара воссоздает такую многогранность, яркую, светлую, «интересную» этого простого человека, что куда там Печорину или Вернеру со всем их умом. Увидев величие не в себе, а в другом, как он считает, более достойном, Батюшков открывает нам величие собственной души. Вот он, путь передачи миру грандиозности собственного «я» - он в открытости сердца. Герой же Лермонтова строит вокруг себя высокие защитные стены, и, огороженный ими, постепенно теряет свои могучие силы и разучивается чувствовать и желать.

«Любить... но кого же?..»

«Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..»

«И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, -

Такая пустая и глупая шутка...»

(«И скучно и грустно», 1840 г., с. 49)

Показанием ущербности этой позиции служит отсутствие самоиронии. При всем остроумии, сарказме и даже цинизме по отношению ко всему окружающему – и Печорин, и сам Лермонтов боятся безжалостного луча самоиронии, в то время, как Батюшков и его окружение в самоиронии черпают силу и уверенность. Не страшно Батюшкову назвать «безделками» свои произведения, пусть даже за ним это повторят такие критики, как Белинский, если сам автор знает, чего он добивался этими «безделками». – Это были искренние поиски нового, не связанные никакими стереотипами, никакими ожиданиями непременно положительной оценки. Он шел, куда вело его сердце. И был прав, потому что, вероятно, именно эти невидимые, объединяющие людей душевные токи стояли у истоков того, как много взяла русская литература из «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова. С течением времени, презируемые рассудком «безделки» дали толчок развитию новых направлений в литературе – от сентиментализма, неоклассицизма и романтизма до реализма и декадентских мотивов XX века. Рассудок изменчив, сердце вечно.

И Лермонтов, герой которого Печорин презирал Максим Максимыча за интеллектуальное превосходство над ним, а значит и над его

сердцем, над добротой, идущей от сердца, удивляется, обнаружив в себе самом «батюшковскую» странность:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой...

И сочетание несочетаемого в этой любви: радости и грусти, надежды и светлого одиночества – «люблю... встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, дрожащие огни печальных деревень» - неожиданно передает такую щемяще-русскую ноту, которая затмевает национальный колорит пляски «под говор пьяных мужичков». И опять – «люблю... люблю... люблю...». Поразительна естественность, с которой говорит Лермонтов об этой любви. Словно он вдруг вспомнил ту песню, которую пела ему, трехлетнему, покойная мать, открывая для него мир любви.

Через эту искренность чувства мы ощущаем величественность проселочного пути, и этой величественности ничуть не мешает, что поэт любит... «скакать в телеге». – Явленная, наконец, миру любовь способна «освятить» все.

«Я с сердцем говорю» - та мысль, что, буквально, пронизывает лучшие стихотворения 1841 года. Вспоминается не только уже цитированная «Родина», но и «Сон», «Листок», «Утес», «Оправдание», «Выхожу один я на дорогу», «Нет, не тебя так пылко я люблю...». И вывод о том, что закрытое для другого сердце ведет только к тому, что «в мире новом друг друга они не узнали...»

Полно, да разве только «в мире новом», т.е. за гробом? И в этом-то попробуй узнай человека, не открывшись ему всем существом. Вспомним Н. Гнедича, переводчика «Илиады», который казался всем «закованным в латы» своего костюма, надменным, замкнутым, гордым настолько, что не оставался к обеду у Державина, а на самом деле был просто бедным человеком, не терпящим подачек. И светлый мир его души, полный высоких страстей и неожиданного юмора открывается нам только в его письмах и стихах к Батюшкову.

Безусловно, сердечная открытость часто губительна для человека. Не отпускает мысль не только о гибели Пушкина, но и о сумасшествии Батюшкова, о «положительно прекрасном человеке» князе Мышкине у Достоевского, кончившем так же. Но... «бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие». (24; 240). Это мысль Достоевского, актуальная сегодня, как никогда. Единое пространство великой русской литературы продолжает бороться против возрастания духовной энтропии.

А прогресс «добился» многого – уже не раздвоения, а расстроения личности. 2 человека было в Лермонтове и Батюшкове, а в нашем современнике – целых 3. Если для духовного человека характерно единство формы, содержания и его выражения, то мы привыкли видеть в жизни - отдельно мысли, отдельно поступки и отдельно слова, затемняющие истинный смысл тех и других. Такова стратегия выживания, ведущая к духовной энтропии, а значит, к смерти. Путь к жизни совсем иной – «батюшковский», Лермонтовский «проселочный» - объединение земного и небесного, сознательного и бессознательного – гармония на основе сердца.

*Белов Д.,
учащийся школы № 69, 9 «А» класс
Науные руководители С.Н. Вельковский, М.Н. Лебедева*

Память любви, память земли: Михаил Лермонтов, Наталья Иванова-Обрескова, Варвара Лопухина-Бахметева

Занимаясь краеведением – изучением настоящего и восстановлением прошлого родного края, я решил подробно разобраться и изучить жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова и его связь с Ярославским краем. Мне пришлось работать в Ярославском государственном областном архиве, а также с уникальными изданиями в областной библиотеке имени Н.А. Некрасова в отделах краеведческом и редких книг. Хотелось бы выразить огромную признательность Галине Павловне Федюк, заведующей фондом редких книг областной библиотеки.

Наталья Федоровна Иванова – первая любовь Лермонтова. Познакомились они в Москве, в доме дальней родственницы Лермонтова, а общались в доме Ивановых. Теплыми летними вечерами, напоенными запахом близкой реки, развивался этот роман. Тайное обручение в запущенном саду, взаимные клятвы, первые для обоих, горячие поцелуи. У него впереди университет, она, конечно же, будет ждать. В конце того, самого лучшего их лета, появился в своем имении, расположенном неподалеку от дома Ивановых, бывший дворянин и офицер Николай Обресков.

По приговору военного суда 30 мая 1826 года поручик Обресков был лишен чинов и дворянского достоинства и переведен солдатом в Переяславский конно-егерский полк. Воевал на Кавказе в составе Нижегородского драгунского полка, который участвовал в русско-турецкой

войне 1829 года. При взятии Арзараума отличился и награжден солдатским Георгием. Права потомственного дворянина возвращены 14 февраля 1846 года. Что же: жалость и доброта или новая влюбленность увлекли Натали в объятия Обрескова? Наверное это и не столь важно. Важна сила удара, которая была нанесена Лермонтову. Потрясенный и все еще не верящий в измену, он едет к Ивановым. Объяснение вновь происходит в саду – последнее. Вернувшись в Москву, Мишель становится в полном смысле слова другим человеком. Необычайно сильный по натуре, он выживает, причем чисто поэтическими средствами. Его стихи, посвященные таинственной Н.Ф.И., полны горьких упреков и воспоминаний, обещаний никогда не забывать ее угроз, изменницу накажет Бог.

Боль утраты настолько была невыносима для юного поэта, что в итоге он выливает ее на бумаге еще и в виде драмы «Странный человек», герой которой Арбенин погибает в конце – сходит с ума от любви к изменившей ему женщине... Все окружающие потрясены силой пера и пронизательностью, зрелостью чувств юного и не по годам взрослого Мишеля. Но никому в голову не приходит, что пишет он о себе. Пройдет целых два года, прежде чем они встретятся вновь, и перед успевшей раскаяться в своей поспешности Натали окажется уже совсем другой человек: недоверие к женщинам, понимание самого себя как талантливейшего поэта. Любовь? Боже упаси, этого у него не будет никогда! Одного раза оказалось достаточно! Покинув Курск, где они встретились в самый последний раз, и где Натали предстояло прожить почти до самой смерти, пишет последние, посвященные ей стихи:

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил,-
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?.

Н.Ф. Иванова-Обрескова похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Князь Петр Андреевич Вяземский на склоне дней своих как-то заметил: «У Пушкина было много друзей, у Лермонтова их почти не было вовсе».

Князь был другом Пушкина и хорошо знал Лермонтова. Другими Лермонтова были два-три родственника, знакомые с детства и семья Лопухиных. Судьба распорядилась так, что именно дети Александра Нико-

лаевича Лопухина – сын Алексей и три его дочери Мария, Елизавета и Варвара стали самыми близкими его друзьями и остались верны его памяти за гробом. В доме Лопухиных в Москве Лермонтов был принят как родной. Близкое соседство (они жили на Большой Молчановке напротив окон поэта) способствовало частным свиданиям.

Именно в доме Лопухиных Лермонтов нашел и дружбу, и любовь, и понимание, и душевное тепло. Вот коротко история этой «веточки» большого рода Лопухиных..

Если говорить о родоначальнике Лопухиных, то он назван в писаной истории по имени и упоминание его точно датировано – 1022 годом от Рождества Христова, или 6530-м от Сотворения Мира. Имя родоначальника мы встречаем в самом древнем из русских летописных сводов в «Повести Временных лет». Вот эти строки: «В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутороканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу::

«Чего ради мы будем губить нам дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою».

И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя Твое».

И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмуторокани».

Князь Мстислав Владимирович выполнил условия поединка, предложенные его противником, распорядился своим «новым имуществом». Прежде всего, как утверждает официальное родословие многих дворянских родов, основанное на свидетельстве «Бархатной книги», князь Мстислав крестил сына Редеди – Романа православным обрядом и женил его на своей дочери, которую звали Татианой. От них и пошло потомство, представители которых положили начало многим русским дворянским фамилиям, в том числе и Лопухиным.

Победа над Редедеею была не единственным подвигом рыцарственного русского князя. Известный историк С.М. Соловьев так писал о нем: «Из всех сыновей Владимира, Мстилав больше всех походил на деда Святослава, который был князем-вождем дружины по преимуществу и был славен в народных преданиях как князь-богатырь».

Никон Великий – игумен Киево-Печерского монастыря из Тмутарокании, где княжил он с воинственными толпами прикавказских народов, приходил на Русь и даже заставил однажды старейшего брата Ярослава Мудрого поделиться отцовским наследством.

Таким образом, у истоков рода Лопухиных стояли сын касожского князя-рыцаря и дочь русского князя, который в первой половине 11 столетия владел половиной Киевской Руси, деля ее с Ярославом Мудрым. Нам удалось найти герб князей Лопухиных.

Известно, что первая жена царя Петра I, Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, принадлежала к этому семейству. Евдокия Федоровна – последняя Русская Царица. Эта фотография сделана с портрета, хранившегося в Покровском монастыре в Суздале.

Петр Васильевич Лопухин (1753-1827) - генерал-губернатор Ярославской области, принадлежал к одной из младших ветвей рода Лопухиных. Он при Екатерине II был генерал-губернатором Ярославским и Вологодским, при Павле I – был генерал-прокурором (1798-1799), при Александре I – министром юстиции (1803-1810), председателем государственного совета и кабинета министров. Он получил в 1799 г. княжеское достоинство, с титулом светлости.

Имел дочь – Анну Петровну (1777-1805) и сына Павла Петровича (1788-1873). Женой Павла Петровича Лопухина была светлейшая княгиня Жанетта Ивановна Лопухина, урожденная баронесса фон Венкасте, портрет которой храниться в Русском музее в Петербурге.

Тесная дружба связывала Лермонтова с Алексеем Лопухиным, с Марией Александровной, а к младшей сестре ее, Вареньке, - он испытывал до конца жизни глубокое чувство.

Мы знаем Мадонну Пушкина – «чистейшей прелести чистейший образец».

Первый поэт России был счастлив, он женился на своей избраннице Наталье Николаевне Гончаровой. Была своя Мадонна и у Лермонтова – Варвара Александровна Лопухина, но им не суждено было соединиться, хотя по свидетельству современника «они были созданы друг для друга». Разделенная, но несчастная любовь Лермонтова осталась в его стихах. Вот что писал поэт о своей возлюбленной:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбка, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей!

Это стихотворение Лермонтов написал в начале 1832 года. Лермонтов, который часто бывал у Лопухёиных, видел Варвару Александровну и раньше, но только в первых числах 1831 года, когда ее привезли на первый в ее жизни великосветский сезон, поэт влюбился, вернее – полюбил, и, как выяснилось позже, на всю жизнь.

«Будучи студентом – писал в своих записках Шан-Гирей, – он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Варвару Александровну Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли он его не сохранил до самой смерти своей». Исследователи творчества поэта считают, что «своей милой Вареньке» Лермонтов посвятил много стихов – одно перечисление заняло бы полстраницы. Ее можно узнать в героинях «Героя нашего времени» и «Княгини Лиговской». Ее образ угадывается в героине драмы «Два брата». Варваре Александровне адресовано посвящение, предпосланное поэме «Измаил-Бей».

Лермонтов не раз писал и рисовал ее портреты. Три акварельных портрета Вареньки Лопухиной, работы Лермонтова, дошли до наших дней. Один из них хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Петербурге, другой – в Государственном литературном музее в Москве, третий – в отделе редких книг библиотеки Колумбийского университета в США. Наконец, ей Варваре Александровне Лопухиной, Лермонтов дважды посвятил своего «Демона». Еще в 1831 году, студен-

том, он предпосылает первому варианту только что законченной поэмы такие адресованные ей строки:

Прими мой дар, моя Мадонна!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.
Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!
Скажу ли? - предал самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я тебе.
Как демон хладный и суровый,
Я в мире веселился злом;
Обманы были мне не новы,
И яд на сердце был моем.
Теперь, как мрачный этот гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

Всё и все свидетельствуют о том, что Варенька Лопухина отвечала любовью на чувства Лермонтова, но по причинам, которые вряд ли станут когда-либо известны «ее семья была против их брака. Главным противником любви Лермонтова и Варвары Александровны был ее отец».

После отъезда в Петербург поэт и Варенька виделись редко, но постоянно переписывались. В то же время родные Варвары Александровны настаивали на ее замужестве, вокруг было много женихов, но она все не соглашалась. Может быть, надеялась, ждала?

Наконец, в 1835 году, когда ей исполнилось двадцать, по представлениям того времени возраст для барышни критический, - она уступила настояниям семьи, точнее сестер и брата, отца уже не было на свете, и вышла замуж за случайно посватавшегося к ней крупного чиновника – Николая Федоровича Бахметева, который был старше ее на семнадцать лет. Семейные предания Лопухиных сохранили некоторые подробности этого сватовства. «Судьба бедной Вареньки решилась случайно, - писала О.Н. Трубецкая (двоюродная внучка Вареньки). В 1835 году на московских балах стал появляться Николай Федорович Бахме-

тев. Ему было 37 лет, когда он задумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему барышнями, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая обогнать его, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицы со всех сторон... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше – «перст», и посватался. Человек он был с большим состоянием и безупречной репутацией. Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято...».

Аким Павлович Шан-Гирей был свидетелем того, как встретил Лермонтов весть о замужестве «его любимой Вареньки». «В Петербурге,- писал он,- мы играли в шахматы, когда человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «Вот новость – прочти!», и вышел из комнаты. Это известие о предстоящем замужестве В.А. Лопухиной... Я имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла...»

Впрочем, поэт и позже видел свою любовь. Тот же кузен поэта писал и об их последней встрече. Весною 1838 года Варвара Александровна Бахметева, урожденная Лопухина, с мужем проездом за границу остановились в Петербурге. «Лермонтов, - вспоминает Шан-Гирей, - был в Царском; я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно жалось мое сердце при ее виде. Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки. Только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как прежде... Через два часа прискакал в Петербург Лермонтов. Это была наша последняя встреча с ней – ни ему, ни мне не суждено было больше ее увидеть», - заканчивает рассказ Шан-Гирей.

Во время этой, последней встречи Варвара Александровна попросила Лермонтова проверить ее список «Демона» - все ли в нем верно. Вскоре поэт прислал к ней этот список с исправлениями и вторым посвящением, которое сначала было адресовано литере «Б», но эту букву поэт энергично перечеркнул и уверенной рукою поставил милое его сердцу «Л».

Я кончил, - и в груди невольное сомненье:
Займет – ли вновь тебя давно знакомый
Стихов неведомых задумчивое пенье, звук,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится – ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты – только мертвого, пустого одобренья
Наложил на нее тяжелую печать,

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет,
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред!

Впоследствии список «Демона», принадлежащий Варваре Александровне, оказался самым полным, самым точным из всех, он лег в основу всех последующих изданий великой поэмы.

Утверждают, что Варвара Александровна не была счастлива в замужестве, тем более что Николай Федорович Бахметев оказался большим ревнивцем и запретил жене даже говорить о Лермонтове. Лермонтов хранил в сердце образ своей Вареньки до последних дней. Екатерина Быховец, которая двадцатилетней виделась с поэтом в последний месяц его жизни, летом 1841 года, впоследствии так писала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в Варвару Александровну Бахметеву: она ему была кузина; я думаю, он и на меня обратил внимание от того, что находил во мне сходство, и об ней его любимый разговор был». Интересно, что именно Е.Г. Быховец, как считают специалисты, адресовал Лермонтов свое знаменитое «Нет, не тебя так пылко я люблю». Это одно из последних стихотворений поэта, оказалось и последним свидетельством его любви к Вареньке...

О гибели Лермонтова все Лопухины скорбели искренне и глубоко, для них это была большая семейная потеря. Но тяжелее всего пережила его смерть Варвара Александровна. Ее сестра Мария писала об этом кузине А.М. фон. Хюгель осенью 1841 года: «Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву – она отказалась, за границу – отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Может быть, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля...»

Варвара Александровна скончалась в 1851 году, через десять лет после гибели поэта. Ее муж получил чин статского генерала, успешно служил и пережил ее на тридцать лет.

Так закончилась история дружбы и любви поэта, который вписал имена близких ему людей из семейства Лопухиных в историю русской литературы.

В Москве, в храме Михаила Архангела, построенном Лопухиным, в подклете, под каменными плитами и ныне покоится около сорока представителей рода Лопухиных.

В 17 веке Бахметевы имели 12 поместий, одно из них село Михайловское Ярославской губернии.

В заключение своего доклада, хочется сказать, что сейчас возрождается память о роде Обресковых в селе Пазушино и о роде Бахметевых в селе Михайловском, которые связаны с судьбой великого русского поэта М.Ю. Лермонтова.

В селе Пазушине ныне действует возрожденный храм Казанской Божией Матери, построенный в 1678 г. на средства дворян Обресковых.. Восстанавливается храм Воскресения Христова.

В селе Михайловском ныне действует церковь Ильи Пророка, построенная в 1656 г. на средства дворян Бахметевых.

Список литературы.

1. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии.- 1908 .
2. Николай Михайлович, великий князь. Московский Некрополь.- СПб., 1907.
3. Родословная книга Российского дворянства.
4. Ярославский губернаторы. 1777-1917: Ист.-биогр. очерки/ В.М. Марасанова, Г.П. Федюк; Отв. ред. А.М. Селиванов.- Ярославль: ЯГУ, 1998.
5. Дворянские роды Российской империи: Т. 1, 2, 3.- СПб.: ИПК «Вести»,1993-1995.
6. Краевский Б.П. Лопухин в истории Отечества.- М., 2001.
7. Рассказы Начальной русской летописи/ Науч. ред., сост. и авт. послесл. Д.С. Лихачев.- М.: Дет. лит., 1987.

*Нечай С.Д.,
научный сотрудник Дома-музея М. Богдановича*

Возвращение Натальи Арсеньевой: белорусская поэтесса, дальняя родственница М.Ю. Лермонтова

В одном из залов музея М. Богдановича висит небольшой портрет молодой женщины и рядом с ним – небольшой сборник стихов, помеченный 1927 годом. У этого фотопортрета экскурсовод обычно рассказывает о беженцах первой мировой войны, появившихся в Ярославле в 1914-1918 годах. Портрет принадлежит Наталье Арсеньевой, одной из самых талантливых поэтесс белорусского литературного зарубежья.

Родилась она в Баку в 1903 году, где служил её отец – Алексей Арсеньев, который происходил из того же рода, который по женской линии дал миру великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Но сама поэтесса считала своей родиной г. Вильно, куда вскоре переехали её родители, город, где прошли её детство и юность

«В семье, – вспоминала Н. Арсеньева, – было четверо детей, три сестры и один брат. Мама воспитывала нас строго. Обучала нас сама мама, бывшая учительница, подготавливая нас сразу в среднюю школу, и научила гораздо большему, чем требовала программа». Достаточно сказать, что с детства будущая поэтесса в совершенстве владела французским и немецким языками, и в 10-летнем возрасте на одни пятёрки сдала вступительные экзамены и поступила во второй класс Виленской Мариинской гимназии, где впервые услышала о Янке Купале. Проучилась она в гимназии только 2 года: империалистическая война вынудила семью Арсеньевых выехать в беженство. Так оказались они на Волге, в Ярославле, где в свое время оказался и Максим Богданович. Дети продолжали учиться в Екатерининской гимназии. После возвращения в Вильно (1920 г.) сложились необычайно тяжелые жизненные обстоятельства для семьи, и Наталья Арсеньева вынуждена была зарабатывать на жизнь уроками французского и английского языка.

После основания Виленской Белорусской гимназии Наталья становится её ученицей, увлекается белорусским языком, литературой, историей, так как её учителями в гимназии являлись выдающиеся деятели белорусского возрождения Максим Горещкий, Антон Луцкевич, Бранислав Терашкевич, Аркадий Смолич. От них она впитала горячую любовь к Белоруссии.

В 1927 году вышел первый сборник стихов Н. Арсеньевой «Под синим небом», который экспонируется ныне в музее М. Богдановича. Этот сборник был доброжелательно встречен читателями и критиками. В этот период она работала учительницей в белорусской народной школе, и училась на гуманитарном факультете Виленского университета. Ещё в 1922 году она вышла замуж за Франтишека Кушаля, военного деятеля, и выехала в Польшу, где прожила более 15 лет. Часто приезжала в Белоруссию и Вильно.

Когда началась Вторая Мировая Война поэтесса с двумя сыновьями вынуждена была податься в Вилейку в поисках работы и убежища, но однако, как многие, в 1937 году была репрессирована. «Затолкали в набитый перепуганными женщинами и детьми в товарный выгон и повезли в далёкий Казахстан, - вспоминала поэтесса, - там в глухом степном колхозе в невыразимо тяжёлых условиях довелось прожить многие месяцы». Благодаря заступничеству Янки Купалы, других писателей была доказана её невиновность, и ей с сыновьями разрешили вернуться на родину.

Военное лихолетье Н. Арсеньева переживала в Минске. Здесь погиб её старший 20-летний сын Ярослав, и глубокая печаль охватила её сердце на всю жизнь.

Спасала её поэзия, стихи, которых она писала много, печатала в журналах и газетах. Были подготовлены к печати сборники стихов «Сегодня», «Не остыть нам». Писала она также либретто для опер «Лесное озеро», «Изяслав Чародей». Переводила классиков немецкой литературы на белорусский язык.

Во время отступления немцев из Белоруссии Н. Арсеньева вместе с мужем – генералом, который находился на немецкой службе, и сыном Владимиром вынуждена была выехать в Германию, а затем в США, где проживала до конца своих дней в городе Рочестере, штат Огайо. Наталья Арсеньева скончалась в возрасте 95 лет в 1998 году.

«И вот, после нескольких десятков лет прожитых в Америке, после стольких ударов судьбы, новых смертей, новых слёз- я оглядываюсь сегодня назад. Иду навстречу прошедшему. И несмотря на все обиды, беды, могилы я отношусь к своей жизни без жалости, а лишь с тихой просьбой.:

Жыццё, ня шмат ужо дарогі ,
Штораз цямней, ці шей наукола,
Дык дай мне роднага парогу
Даткнуць, пака замкнецца кола!

Наталья Арсеньева возвращается на родину своими стихами, отдавая свой поэтический талант родной земле, её народу, его чистой душе, воспетой поэтами белорусского национального Возрождения:

Радзі ма! Беларусь!
каханая, святая!
Багаславі нас жыць
і веру захаваць!

В сентябре 2000 года в музее М Богдановича состоялся вечер, посвященный белорусской эмиграции « Молитва за Беларусь», на котором звучали лучшие стихи Натальи Арсеньевой.

(Доклад подготовлен по материалам исследований Лидии Савик, к.ф.н. , старш. научн. сотр. ИЛ им Я. Купалы АН РБ)

*Дерен О.В.,
представитель Благотворительного фонда
священника и композитора В.Н. Зиновьева*

С нами Бог! Музыкальное наследие священника и композитора Василия Зиновьева

Имя Василия Николаевича Зиновьева (1874-1925), священника, педагога, композитора, чьи музыкальные произведения были широко популярны в дореволюционной России, в наши дни прежде всего известны любителям духовной музыки. Оно принадлежит к замечательной плеяде русских церковных композиторов конца 19 в. - начала 20 в., наряду с такими именами, как А.А. Архангельский, С.В. Смоленский, А.Д. Кастальский, каждый из них внес свой вклад в создание национальной духовной музыки. «С нами Бог» - это песнопение поют во всех православных храмах в великий праздник Рождества Христова. Оно стало жемчужиной русской церковной музыки и вершиной творчества В.Н. Зиновьева.

Василий Николаевич Зиновьев родился в семье дьякона в селе Спас-Подгорье Ростовского уезда Борисоглебской волости Ярославской губернии 15 января по ст. стилю 1874 г. младшим из 4-х детей. Маленькому Василию было всего 2 года, когда умер отец, и мать Евдокия Васильевна Зиновьева приложила много усилий к тому, чтобы единственный

сын получил образование. После окончания Ростовского Дмитриевского духовного училища Василий сделал твердый выбор - духовное служение.

Семья переехала в Ярославль, где в 1888 г. Василий Зиновьев поступил в Ярославскую Духовную семинарию. Хор семинарии, певчие которого пели в православных храмах, хорошо был известен в городе. По воспоминаниям современников, юного Зиновьева часто можно было увидеть за управлением хора, заменяющим взрослых руководителей. Его музыкальные способности, увлеченность и редкая одаренность были замечены преподавателями: в 5 классе семинарии осуществилась его мечта - он был назначен регентом семинарского хора.

Все свободное время В. Зиновьев посвящал музыке: учился игре на скрипке, фортепьяно, фисгармонии, в дружеской компании любил петь духовную музыку, светские романсы.

В 1894 г. Василий Николаевич был определен учителем церковного пения при Югской Дорофеевской пустыни в Рыбинском уезде, где кроме того, что служил регентом монастырского хора, преподавал Закон Божий и церковное пение в приходской школе. По мнению исследователей творческого наследия В. Зиновьева именно работа с детьми положила начало его композиторской деятельности, не случайно и первые песни были написаны для детского хора. Через 10 лет, в 1904 г., в московском издательстве П. Юргенсона вышел в свет сборник детских песен о. Василия «Пение на Рождественской елке в народной школе» в 6 выпусках. Всего Зиновьевым было написано более 100 песен для детей, на слова А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, И.С. Никитина, ярославских поэтов Н.Г. Первухина, И. Козлова. Он и сам писал стихи, которые печатались в «Ярославских епархиальных ведомостях».

Большой популярностью пользовались песни «Привет школе», «Сквозь волнистые туманы», «Горные вершины», «Скажи мне, ветка Палестины». Авторитет композитора и известность его песен были столь велики, что в кругу почитателей о. Василия считалось, что ему принадлежит и музыка знаменитой песни «Вечерний звон» на слова И. Козлова.

В 1895 году последовал переезд в Ярославль, рукоположение во диаконы к Петропавловской церкви при Ярославском кадетском корпусе, женитьба. А с 1896 г. о. Василий служил в Троицком храме при Николаевском детском приюте и одновременно состоял на должности учителя пения в Ольгинском детском приюте.

Всю жизнь о. Василий занимался напряженной педагогической деятельностью. Его приглашали во многие учебные заведения города преподавать пение, в том числе в Ярославскую духовную семинарию, в

женскую Мариинскую гимназию, он вел педагогические курсы для учителей церковных школ в 1900 г., где произошла чудесная встреча и знакомство с Иоанном Кронштадтским, приехавшим в наш город (воспоминания об этом сохранились в журнале «Приходская жизнь» за 1900 г.)

Надо заметить, что в те годы не было доступных руководств по музыкальной грамоте, хоровому пению, регентскому делу. В.Н. Зиновьев восполнил этот пробел, составив «Азбуку школьного пения», «Практическое руководство для начинающего учителя - регента» и другие руководства, востребованные и в наши дни.

В 1906 году о. Василий был назначен регентом архиерейского хора Успенского кафедрального собора, и по воспоминаниям певчих, регентом он был исключительным.

Наиболее активный и плодотворный период в творчестве Зиновьева относится к 1907-1913 гг., когда епархией управлял архиепископ Тихон, высоко ценивший деятельность о. Василия. В 1907 году Василий Николаевич взял на себя труд гармонизации для хора церковных гласовых песнопений местного распева. Этот труд имел своей целью упорядочить пение гласовых напевов во всех ярославских приходах. Часто получалось, что два певца соседних приходов не могли спеть согласно, гармонично один глас, к тому времени в каждом приходе существовали свои варианты этих напевов. О. Василий их упорядочил.

Отец Василий обладал поразительным трудолюбием, яркой гражданской позицией, отражающей его любовь к своей Родине. Не было, пожалуй, ни одного сколь-нибудь значимого события в жизни России и Ярославля, на которое бы не откликнулась новым сочинением его неиссякаемая творческая энергия. 100-летию Отечественной войны 1812 года посвятил он песнопение «С нами Бог». В 1913 году русский народ отмечал великую дату - 300-летие царствования Дома Романовых. В мае 1913 г. Император с семьей посетили Ярославль, Ростов, Петровск. Архиерейский хор в полном составе в несколько сот человек и его руководитель о. Василий оказались в центре торжеств. Под управлением Зиновьева хор встречал пасхальными песнопениями Императора в Успенском кафедральном соборе, Спасском монастыре и на освящении Романовского приюта в Ярославле. Была исполнена кантата «300-летию Дома Романовых», написанная директором ярославского музыкального училища И.В. Петром. Хор исполнял Всенощную в присутствии Его Величества в Ростове, Литургию в Петровском соборе, после чего Император долго беседовал с регентом хора о. Василием, а несколько позже В.Н. Зиновьев «лично Его Императорским Величеством был награжден золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества за отличное пение»

(описание этих событий сохранились в газете «Голос» за 1913 год) . К 600-летию явления чудотворной Толгской иконы Божией Матери о. Василий также написал, а архиерейский хор исполнил 8 августа 1914 г. юбилейную кантату.

Началась первая мировая война. Отец Василий пишет слова и музыке кантаты «Русь Святая идет на войну» с посвящением Императору Николаю Александровичу. Всю сумму от продажи кантаты автор просил передать на нужды военного времени, а сам отправился добровольцем на фронт.

В феврале 1917 года о. Василий вернулся в Ярославль, вновь стал служить в Троицком храме Николаевского приюта, с 1918 г. работал учителем пения в школах, но вскоре ему, священнику, запретили преподавать в советских школах. Ему вновь пришлось делать выбор между служением Церкви и светской деятельностью учителя музыки. Он остался в Церкви, организовал при Сретенском храме художественную капеллу, которая в 20-е годы была известна во многих городах России под названием «хор Зиновьева».

В 1921 году, пережив череду семейных трагедий - гибель единственного сына, смерть жены, Василий Николаевич полностью посвящает себя работе и воспитанию дочерей. В октябре 1921 года В.Н. Зиновьев становится заведующим кафедрой эстетического воспитания Ярославского педагогического института, он также преподает пение и руководит институтским хором.

В 1922 году, когда в Русской Православной Церкви произошел раскол, в Ярославле была организована новая, т.н. «Живая церковь». Последовали аресты представителей духовенства. О. Василий Зиновьев не мог остаться в стороне от этих событий. С целью восстановления единения между отдельными церковными группами он участвует в организации собрания духовенства и представителей приходов, состоявшегося 10 октября 1922 г., на котором присутствовало около трех тысяч человек. 28 октября о. Василий был арестован. Дополнительным поводом для ареста послужила и проповедь, сказанная им 17 июня в Троицкой церкви : « ... когда Николая прогнали- вы спали. Временное правительство свергнули – вы спали, и Ленин сидит - спите .. Меня посадят, и вы тоже будете спать... ». На допросах о. Василий вел себя с достоинством, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы, а в ноябре он был освобожден. Житейские испытания сказались на здоровье композитора, в 1923 году появилось заболевание горла. В октябре 1924 года о. Василий переехал в Москву. Там он взял на себя управление хором а храме во имя Преподобного Сергия Радонежского. А 25 марта священ-

ник Василий Зиновьев скончался в московской больнице от удушья от раковой опухоли горла. По завещанию композитора гроб с телом перевозили в Ярославль, где проститься и проводить в последний путь любимого пастыря и композитора пришло огромное количество его почитателей.

Неподалеку от храма Параскевы Пятницы на Тутовой горе погребен наш замечательный земляк - священник, музыкант, гражданин В.Н. Зиновьев.

В наши дни благодаря усилиям его последователей, потомков, почитателей его таланта создан Благотворительный фонд им. В.Н. Зиновьева, целью деятельности которого является популяризация его сочинений. Издан сборник нот «С нами Бог», произведения композитора все чаще звучат в концертных залах. Благодаря ему мы можем говорить о вкладе Ярославля в музыкальную культуру России.

Литература:

Л.А. Зуммер. Регент и церковный композитор священник Василий Зиновьев// Зиновьев В. С нами Бог!: Избранные песнопения/ Сост., автор вступит. ст. Л.А. Зуммер. - Ярославль: Александр Рутман, 2001.-С.5-21.- (Серия «Граждане Ярославля»)

Васильева И. Возвращение Василия Зиновьева// Ярославские епархиальные ведомости.-2001.- № 5.-С.11: портр.

*Хасиев Н.-Э.А.,
Президент Ярославского общества
чечено-ингушской культуры «Вайнах»*

Лермонтов и Кавказ: чеченцы в произведениях поэта

Думая о сегодняшних бурных днях Кавказа, невольно обращаешься к гению великого поэта М.Ю. Лермонтова, чтобы сверить раздумья свои, переживания со свидетельствами того, кто в минувшем веке и в стихах, и в прозе высказал неподкупную истину о завоевании Кавказа. Этот поэт, которого уважали даже враги на ратном поле, презирал патристическую ложь и говорил всегда то, что думал. Каким рыцарством духа, справедливости и свободы мышления обладал Михаил Юрьевич! В своих произведениях молодой поэт обращается к народу -центральной теме эпохи, изучает психологию народных масс. Автор «Поля Бородины» живописует не борьбу за народ великого человека, подвижника-

революционера, а борьбу самого народа за свое освобождение. В этом и суть Лермонтовского рассмотрения исторической и социально-политической темы. И тема Кавказа в его произведениях свидетельствует, как гений поэзии сочувственно относится к горским племенам, против которых поэту самому приходится выступать в карательных экспедициях.

Если открыть том кавказского сборника, что издавался военно-историческим отделом Закавказской армии в Тифлисе, мы увидим сводки военных действий, приказы по армии, переписку Шамиля с генерал-майором Клюки Фон Клугенау, многие характеристики Кавказской войны. Вот одна из них – подполковника Эсадзе из генерального штаба: «Кавказская война была войной необыкновенно трудной, ибо нашей армии приходилось бороться и побеждать... сильного врага, каким являлись свободолюбивые народы, которые населяли недра Кавказских гор... и пламенно сражались за свои земли, за свои родные очаги...» Какое честное признание справедливости горского сопротивления! Далее в этом же 32 томе мы смотрим «Журнал военных действий отряда под начальством генерал-лейтенанта Галафеева на левом фланге кавказской линии с 6 по 17 июля 1840 года». Отряд выступил из крепости Грозненская и с ожесточенными перестрелками достиг крутого рубежа на реке Валерик. В отряде было немало заслуженных офицеров высоких рангов, к тому же в нем находился поручик Лермонтов. Вот несколько фраз из обстоятельной журнальной записи генерала Галафеева: «Впереди виднелся лес, двумя клиньями подходящий со всех сторон к дороге. Едва артиллерия начала сниматься с передков, как чеченцы со всех сторон открыли убийственный огонь...» Идет подробное описание боя, диспозиции отряда, принятых решений. А дальше генерал Аполлон Васильевич упоминает имена многих офицеров, отличившихся в кровавой схватке, и среди тех, чьей «распорядительности и мужеству» отдается должное, он называет «Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова и 19-й артиллерийской бригады прапорщика фон Лоер-Лярского, с коим они переносили все мои приказания войскам в самом пылу сражения лесистом месте, заслуживает особого внимания, ибо каждый куст, каждое дерево грозили внезапной смертью». После перечисления всех, выказавших храбрость в бою на Валерике, Галафеев с высоты совестливой духовности оставляет такое горькое рыцарское признание: «должен отдать также справедливость чеченцам, они исполнили все, чтобы сделать наш успех сомнительным». И нам становится понятным, почему в старину поле боя именовалось полем чести. В нынешней кровавой чеченской кампании кто из офицеров мог бы такое напи-

сать? Лермонтов в стихотворении «Я к вам пишу случайно, право...» запечатлел с гениальной художественной изобразительностью бой на Валерике, его поэтическое свидетельство по деталям очень совпадает с реляцией генерала Галафеева. Валерик – приток реки Сунжи. Название реки происходит от чеченского «валлариг» - мертвый. Отсюда у Лермонтова Валерик - река смерти. И так же, как его военачальник, Лермонтов с уважением и симпатией относится к чеченцам. Они для него не какие-то головорезы, а доблестные удалыцы:

Нам был обещан бой жестокий,
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братный зов
Толпы стекались удалыцов...

И вот окончился кровавый бой, стойвший немалого числа жизней с обеих сторон. Русские вроде бы победили, но вместо торжества - печальные раздумья:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места хватит всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

А дальше по ходу сюжета, как вы помните, поэт спрашивает своего старого чеченского кунака Галуба:

А много горцы потеряли?
-Как знать? – зачем вы не считали!
«Да! будет, кто-то тут сказал.-
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Мысль поэта предельно ясна: этот бой не только «в память» чеченцам, но и самим русским. Никто не уступал в доблести, где шел обмен головы на голову. И если в Бородинском бое везде и всюду у Лермонтова чувствуется человек: «Да. Были люди в наше время», то в «Валерике» человек превратился в зверя. Он потерял и свое человеческое достоинство и свою национальность.

Такое отношение в своих произведениях к горцам вряд ли могло быть у человека, который не относился бы с симпатией к этому краю.

Приветствую тебя, Кавказ седой,
Твоим горам я путник не чужой...

Или

Тебе, Кавказ, - суровый царь земли –
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный...

Сам М.Ю. Лермонтов был человеком могучего мятежного духа, постоянно ищущим себя. И на Кавказе поэт себя находит. Во многих его произведениях, посвященных этой теме, мы улавливаем его душевное настроение через его героев. Здесь поподробнее хочу остановиться на поэме «Мцыри», помните: «Однажды русский генерал из гор к Тифлису проезжал, ребенка пленного он вез»?

Много лет спустя грозненский искусствовед Н.Ш. Шабаньянц нашел документальное подтверждение тому, что прототипом Мцыри послужил уроженец Дады-Юрта. В архивах сохранился документ о передаче А.П. Ермоловым своему двоюродному брату, тоже генералу, служившему в Грузии, чеченского мальчика на воспитание. Было это в 1822 году, когда будущему талантливому живописцу исполнилось 6 лет. Назвали мальчика Петром, а фамилию дали по имени казака Захара Недоносова, у которого он находился на попечении.

Дальнейшая судьба Петра Захаровича Захарова (1816-1852) была сколь тяжелой, столь и удивительной. Его наставник, Петр Николаевич Ермолов, с первых же дней пребывания мальчика в Тифлисе, обнаружил в нем неутолимую страсть к рисованию. И он предпринимает энергичные усилия, чтобы определить воспитанника в Петербургскую академию художеств. Но это было не просто: туда не принимали крепостных и жителей национальных окраин. В конце концов Захарова зачислили «неклассным учеником». В 27 лет ему присваивается звание академика живописи.

Интересна история написания Петром Захаровым портрета М.Ю. Лермонтова. Художник изобразил поэта в шинели, накинутой на плечи. Современники считали образ поэта, созданный Захаровым, самым правдивым, наиболее точно передающим черты и характер Лермонтова. Михаил Юрьевич написал «Мцыри» после знакомства с живописцем – очевидно, рассказ художника о своем детстве произвел на поэта сильное впечатление.

Во время учебы в Академии «художник из чеченцев», как он подписывал полотна, написал портреты многих своих великих современников. Как один из самых талантливых и преуспевающих в учении питомцев Академии художеств, Петр Захаров рассчитывал, что его пошлют за

границу для дальнейшего совершенствования мастерства – такова была сложившаяся в то время традиция. Именно в то время там находился Карл Брюллов. Но какова ирония судьбы! В тот самый момент, когда юноша работал в мастерской, копируя портрет самодержца «всея Руси» - Николая I, царь самолично вычеркнул фамилию Захарова из списков отъезжающих на учебу в Италию.

Это был удар для больного, с детства страдающего чахоткой художника: надежд на то, что удастся поправить здоровье, не оставалось.

Благодаря долгим и кропотливым поискам Шабаньянца обнаружено большое количество полотен, принадлежавших кисти его земляка. Много сил было отдано, чтобы разыскать десятки портретов и пейзажи, которые оказались разбросанными по многим картинным галереям и музеям страны. Непростой была и работа по выявлению авторства П. Захарова в написании ряда полотен. Пришлось провести серьезное исследование с привлечением самых именитых специалистов, чтобы установить, что автором портрета Н.А. Некрасова, хранящегося ныне в Доме-музее поэта, является именно Петр Захаров.

Несмотря на широкую известность, которую снискал Захаров при своей жизни - а прожил он всего 30 лет – о нем старались не вспоминать. Ведь большинство людей, с которыми сводила судьба художника, не были сторонниками самодержавия.

На родине Петра Захарова о его жизни и творчестве знают все. Картины художника находятся в крупнейших музеях страны – в Третьяковской галерее, в Русском музее и др. К великому сожалению, некоторые картины, находившиеся в Чеченском республиканском музее, безвозвратно утеряны в пламени событий последних лет.

Когда едешь в Грозный, на правом берегу Сунжи есть большое село Лермонтово. Имя селению дал народ, считающий великого русского поэта своим поэтом.

И в завершение, мне хотелось бы привести строки из стихотворения чеченского поэта Магомеда Мамакаева:

Кто не воспел величие вершин,
Кому здесь вдохновенье не явилось?
Здесь Лермонтова сердце чаще билось,
Здесь волю славил он, России сын.

*Третьякова Т.А.,
ведущий методист Угличского филиала
Государственного архива Ярославской области*

Иван Никитич Скобелев. Воин и писатель - современник М.Ю. Лермонтова

Мало кто знает в наше время имя Ивана Никитича Скобелева, но во времена М.Ю. Лермонтова это была широко известная личность, человек неординарный, незаурядный. Храбрый воин и самобытный писатель, создавший в своих произведениях немало ярких образов, любившихся и простому народу, и высшему свету, избалованному "высокой" литературой и обладавшему тонким литературным вкусом.

Его писательское амплуа - военная тематика. Повествуя, о том, чему был свидетелем за долгие годы своей службы, он простым и доступным для каждого языком писал о русских солдатах, сражениях, полководцах и прочем, воспроизводя в художественных образах часть военной истории страны.

И.Н. Скобелев родился в 1778 г. и был уроженцем Ставропольского уезда Самарской губернии. Его семья жила бедно. Отец происходил из однодворцев и, дослужившись до чина сержанта, рано умер. Мать - Татьяна Михайловна была женщиной малограмотной, глубоко верующей и патриархально воспитанной. По одной из версий, она была из дворянского рода Коревых, была дочерью бедного офицера времен Петра I. По другой версии - происходила из крестьян.

Оставшись вдовой, посвятила себя воспитанию сына, но мало что могла ему дать, лишь некоторое знание церковных книг. Первой светской книгой, прочитанной Иваном Никитичем (как сам он признавался), был "трианафемский роман" «Мария-Луиза - бранденбургская маркграфиня, или милорд английский Георг с присовокуплением Марцимариса - повести турецкой».

Грамоте И.Н. Скобелев выучился только к 19-ти годам и то по необходимости военной службы. Он научился письму, чтению, арифметике и татарскому языку.

Его военная служба началась в 14 лет, с 1792 г. в качестве вольноопределяющегося 1-го полевого Оренбургского полка, где обратил внимание начальства живостью своего характера - он хорошо плясал, слагал и исполнял залихватские солдатские песни.

В 1795 г. он уже в чине сержанта, а вскоре и вахмистра Оренбургского драгунского полка. В 1797 г. переведен в Уфимский мушкетерский

полк. В 1804 г. ему дают первый офицерский чин, а в 1806 г. он уже подпоручик 26-го Егерского полка под начальством И.Н. Эриксона. К этому времени он уже и кавалер ордена св. Анны 1-й степени за свой первый бой в Пруссии под Петерсвальдом.

За кампанию 1806-1809 гг. был представлен к орденам св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 3-й степени и золотой шпаге с надписью «За храбрость». Получил звание штабс-капитан. Бок о бок сражался с легендарным генералом Кульневым, генералом Н.Н. Раевским. Отличился при Сарвике, Силистрии, Шумле. При Кирке получил первое серьезное ранение - ядром оторвало два пальца правой руки и раздробило третий, контузило в грудь картечью.

Генерал Н.Н. Раевский предложил И.Н. Скобелеву перейти в его корпус старшим дивизионным адъютантом и тот согласился, но здоровье резко ухудшилось, открылись раны и в 1810 г. Скобелев уходит в отставку, став приставом Московской части г. Санкт-Петербурга.

В 1812 г. он вновь вступил в службу в чине капитана и состоял при генерал-фельдмаршале М.И. Кутузове, став, впоследствии, его старшим адъютантом. Кутузову нравилось как Скобелев писал репортажи и бюллетени, но среди знавших и посвященных в штабные дела ходили разговоры, что Скобелеву помогал В.А. Жуковский, который в то время находился в армии волонтером и жил в одной палатке со Скобелевым. Немало слышал рассказов о военных буднях и подвигах от Скобелева и Жуковский.

Участие в Бородинском сражении, при Тарутине, Малом Ярославце и Красном принесли Скобелеву алмазный знак ордена Анны 2-ой степени и молниеносную смену чинов - от майора до полковника лейб-гвардии Литовского полка.

1813 год опечалил Скобелева потерей благодетеля - фельдмаршала Кутузова. Как старший адъютант он сопровождал останки фельдмаршала для погребения в Санкт-Петербург.

В кампании 1814 г. командовал рязанским пехотным полком, с которым отличился в бою под Реймсом, спасши раненого генерала графа Сен-Приеста и подучив орден св. Георгия 4-й степени. А за взятие Монмартра 18 марта 1814 г. был представлен к ордену св. Владимира 3-й степени.

Командовал Рязанским полком до 1817 г., получив чин генерал-майора, с 1817 до 1821 г. - командир 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии, с 1823 по 1826 гг. - генерал-полицимейстер 1-й армии. С этим периодом связана негативная сторона жизни Скобелева, о которой он сам, впоследствии, скажет, что "проштыкнулся": в угоду начальству он пи-

шет доносы, в том числе и на А.С. Пушкина, называя его "вертопрахом" и рекомендуя «содрать с него несколько клочков шкуры» (донос 17 января 1824 г. из Москвы). За эту деятельность он снискал благосклонность шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, но, в то же время Скобелев заступается за солдат взбунтовавшегося Семеновского полка.

В 1828/29 гг. он - начальник 3-й пехотной дивизии и в чине генерал-лейтенанта, но вновь уходит в отставку по состоянию здоровья и поселяется в своем имении Чернышины.

С марта 1831 г. вновь на службе и командует 3-й бригадой Гренадерской дивизии и резервными дивизиями 1-го, 2-го и 3-го корпусов в связи с польской кампанией. Но его боевое участие недолго. 14 апреля 1831 г. под Минском ему раздробило левую руку. Многие тогда удивлялись мужеству Скобелева: он навсегда уходит с боевых позиций и прощальный приказ по армии диктовал, сидя на барабане перед походным лазаретом, в то время, как врачи ампутировали раненую руку. Одна из фраз этого приказа такова: "Для меча и штыка к защите прав батюшки белого царя и славы святого нам отечества, среди храбрых товарищей, и трех по милости божией оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно". С этой кампании Скобелев уходил с орденом Георгия 3-й степени. Далее началась его военно-административная карьера.

С 1832 г. он - член генерал-аудиториата, с 1834 по 1837 г. - инспектор резервной пехоты в Нижнем Новгороде. За эту службу удостоен высочайшего внимания и получил в дар табакерку с алмазами и портретом государя.

С 1837 г. из-за открывшихся ран вновь в отставке и лечится в любимом имении Чернышины.

Через два года призван императором вновь на службу и с 8 июня 1839 г. - комендант Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга, директор Чесменской богадельни и член Комитета о раненых. В качестве коменданта Петропавловской крепости Скобелев пребывал до своей кончины. За это время он был возведен в звание генерала от инфантерии, пожалован знаком беспорочной службы, майоратом в Царстве Польском; в 1842 г. получил орден Александра Невского, а в 1847 г. назначен шефом Рязанского полка.

На посту коменданта Петропавловской крепости Скобелев многим облегчил жизнь или выпросил у императора прощения как прапорщику Браккелю. На прошении Скобелева за Браккеля Николай I написал: "Старику Скобелеву я ни в чем не откажу. Надеюсь, что после солдатских увещаний виновному из Браккеля выйдет опять хороший офицер. Выпустить и перевести в армейский полк тем же чином".

А.О. Смирнова-Россет и многие другие называли Ивана Никитича "добрейшим комендантом".

И.Н. Скобелев скончался 19 февраля 1849 г., 22 февраля состоялись пышные, торжественные похороны. Был расписан "Порядок церемониала погребения тела коменданта С.-Петербургской крепости И.Н. Скобелева" со следующими подробностями: "тело покойного, одетое в генеральский мундир "с шефскими эполетами Рязанского пехотного полка" было положено в богатый, обитый малиновым бархатом гроб и выставлено в домово́й церкви при комендантской квартире, откуда вечером 21-го числа было торжественно перенесено в Петропавловский собор и поставлено на катафалке с великолепным балдахинoм». При гробе бесценно стоял почетный караул. 22-го числа, в 11 часов утра прибыл митрополит Никанор и высшее духовенство, с которым высокопреосвященный совершал заупокойную литургию и обряд отпевания в присутствии наследника цесаревича и его императорского высочества великого князя Михаила Павловича и массы публики. По окончании отпевания гроб был вынесен на руках генералов к месту погребения, войска по команде великого князя Ми хаила Павловича отдали честь. Гром военной музыки и грохот барабанов сопровождали в вечность "отца и командира", а троекратный залп из ружей и из шести орудий с бастиона Петра Великого возвестили жителям столицы о предании земле праха неустрашимого героя за свою отчизну..." Граф Граббе в своей записной книжке отметил, что похороны Скобелева были достойны фельдмаршала.

19 февраля 1849 г. умер не только воин, но и оригинальный писатель, чья литературная деятельность началась с 1833 год.

Первая книга И.Н. Скобелева, вышедшая в 1833 г. под названием "Подарок товарищам или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым", вызвала живейший интерес критики и добрый отзыв в печати, хотя сам автор, впоследствии, был очень критичен к своему труду. Последовали доброжелательные отзывы в "Московском телеграфе", "Северной пчеле" и других журналах. Книгу сразу назвали народной,

С 1834 г. в журнале "Библиотека для чтения" печатаются его рассказы. Литературный псевдоним И.Н. Скобелева - "русский инвалид" или "безрукий инвалид". Первые успехи определили дальнейшую литературную деятельность И.Н. Скобелева. Он знакомится и дружит с ведущими литераторами, критиками, посещает литературные салоны Петербурга. Многие из его литературных знакомых и друзей гостевались у

него в комендантской квартире в крепости. Скобелев был хлебосольным хозяином.

Он общался с Н.И. Гречем, часто выступавшем в роли редактора и корректора, с А.Ф. Воейковым, Ф.В. Булгариньм, П.А. Плетневьм, С.Н. Глинкой, Н.В. Кукольником, К.А. Полевым, с цензором А.В. Никитенко, с И.С. Тургеневьм и многими другими. Произведения И.Н. Скобелева удостаивались лестного отзыва профессора С.П. Шевырева, который говорил, что "Скобелев в своем военном слогe нараспашку открыл новый сильный источник для устной русской речи". А В.Г. Белинский писал: "Автор не литератор и настоящее его оружие не перо, а штык, но он и пером владеет не хуже, чем штыком, а простота и безыскусственность литературного изложения придает еще большую прелесть его пламенным, живым и благородным мыслям, чувствам и рассказам. Во всех отношениях "безрукий инвалид" в праве ожидать искреннего спасибо..."

Создавая свои произведения, И.Н. Скобелев в полной мере осознавал, кому они предназначены и говорил об этом открыто и прямо, ратуя за приобщение народа к просвещению. Он даже высказывал идею создания народного журнала или газеты для "сеяния" просвещения, при этом замечая, что "Северная пчела" жужжит в барских палатах, почему ж бы какому-нибудь "Северному соловью", народному журналу, ни петъ в сельских хижинах?

Перу И.Н. Скобелева принадлежали следующие произведения, вышедшие отдельными изданиями:

- уже упоминавшееся «Подарок товарищам или Переписка русских солдат в 1812 году»,- СПб, 1833;

- «Собрание приказов, отданных инспектором резервной пехоты генерал-лейтенантом Скобелевым по вверенным ему войскам с 1834 по 1836 год»,- Нижний Новгород, 1836. (Любопытнейшее издание, поскольку это были делопроизводственные бумаги, исполненные в литературное изложении Скобелева).

Далее:

-«Беседы русского инвалида или новый подарок товарищам»: В 2-х частях,- СПб,1838;

- "Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду",- СПб, 1839;

- "Сцены в Москве в 1812 году. Народное драматическое представление",- Спб., 1839;

-«Кремнев – русский солдат. Оригинальное драматическое представление",- СПб., 1839, В 3-х. действиях. Напечатано с посвящением Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Павловичу.

(Это произведение игралось более 20-ти раз на сцене Александринского театра с участием Григорьева 1-го, Каратыгина 1-го);

- "Переписка и рассказы русского инвалида".- СПб., 1838. (Это сочинение выходит 2-м изданием в Санкт-Петербурге в 1840/41 г. с приложением портрета автора, литографированного известным в Петербурге художником Шевалье и отпечатанного в типографии дрезденского художника Поля. Затем в 1844 г. "Переписка" выходит в издательстве книгопродавца А.А. Фарикова в Петербурге в 2-х частях (с рисунками и без них)).

Следует отметить, что все деньги от издания "Переписки" И.Н. Скобелев пожертвовал в пользу Петербургской детской больницы, находящейся под покровительством императрицы. Желаящим издание распространялось по подписке за 2 рубля серебром. Книга доходила до провинциальных частных библиотек. Так, к примеру, в начале 1841 г. в г. Мышкин выписывается 6 экземпляров для купцов Тимофея и Капитона Чистовых, Ивана и Алексея Ситсковых, Василия Замяткина и Ивана Суханова.

Пожертвование И.Н. Скобелева детской больнице гонорара с издания "Переписки" можно объяснять, вероятно, тем, что некоторое из его собственных детей умерли в детстве от различных тяжёлых болезней.

Сочинения Скобелева печатались и в журналах одновременно, в уже упоминавшейся "Библиотеке для чтения" и "Отечественных записках", а в позднейшее время - в "Русской старине", "Русском архиве", «Историческом вестнике».

Чтобы представить живой, яркий язык сочинений Скобелева, приведем небольшие отрывки из его произведений:

"...Как молвил, наш батюшка белый царь одно лишь слово, как закипела кровь ратная, молодецкая, заворковало сердце русское богатырское... Полетели орлы священные, понесли орлята-друзья славы задушевные, так много ли тут надобно мудрости ?... Ну, встретились, по здоровались, а под Бородиным так столкнулись, что мать-сыра земля проstonала, да, чай, и у самого черта борода затряслась!..." (из уст героя "Кремнева - русского солдата")

или

"...Один егерь немного приотстал. Быстрой тотчас схватил его на руки и как молния бросился вперед. "Вот твое место! бей и коли встречного и поперечного!"- сказал он, поставя егеря к французскому носу. Егерь приосанился, приободрился и французский нос на сем свете табаку уж более не нюхал.

Потеря наша под Тарутиным велика тем только, что убит храбрый корпусной генерал Багговут, о котором плачут офицеры и солдаты: предобрейший был-де командир!..» (из "Переписки и рассказов русского инвалида")

И.Н. Скобелев, сам сочинительствуя, становился литературным героем в произведениях других авторов. О нем писал Н.С. Лесков в "Левше", писал А.И. Куприн, собрав исторические анекдоты о Скобелеве, один из которых здесь упомянем. Жил у Ивана Никитича в комендантской квартире говорящий попугай. Птица была умная, любимец хозяина, и любил с ним разговаривать государь Николай Павлович, приезжавший часто в собор Петропавловской крепости и при этом навещавший коменданта. Николай Павлович говорил попугаю: "Здорово, попка!", а тот в ответ: "Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!". "Кто я?"- спрашивал государь. Попугай в ответ: «Государь и самодержец вся России!»

Но однажды, при очередном визите попугай долго не отвечал на вопросы императора. Тот ему: "Здорово, попка!", а в ответ - молчание. Тогда государь решил изменить вопрос и продолжал: "Кто я?". На что попугай, быв вероятно не в духе, явственно прокричал: "Дур-рак!".

Что тут началась! Скобелев, крича на птицу, бегал за ней по кабинету и возгласы: "Голову оторву! Убью!...",- слышались отовсюду. Пришлось Николаю Павловичу просить за жизнь попугая: "Не трогай птицу... его голосом сам Бог говорил..."

Таким был один из современников М.Ю. Лермонтова старшего поколения. Возникает закономерный вопрос - а знал ли поэт славного вояку и писателя Скобелева? Думается, знал. Не мог не знать. Ведь они вращались в очень близких литературных кругах, при многих общих знакомых. И, несомненно, М.Ю. Лермонтов читал произведения И.Н. Скобелева. И, быть может, воодушевился его манерой письма и яркостью языка. Вспомним лермонтовское "Бородино", где сквозь литературную строфу проскальзывает живая народная речь:

...И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки -
Французы тут как тут.
Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!...

Если даже предположить, что М.Ю. Лермонтов не знал И.Н. Скобелева и не читал его сочинений, то уж слышал и, вероятно, немало из очень близких дружеских уст - от флигель-адъютанта Николая I Константина Федоровича Опочинина, в доме которого неоднократно бывал и с которым дружески общался. А Константин Федорович Опочинин был влюблен, а затем и женился на дочери И.Н. Скобелева Вере Ивановне (их брак венчался 11 ноября 1840 г. в придворном соборе Зимнего Дворца).

Черты Скобелевского характера и своеобразный талант проявились в его внуках и правнуках: яркий деятель Мышкинского земства - Федор Константинович Опочинин, его сестра - попечительница угличских и мышкинских учебных заведений Екатерина Константиновна Тучкова, известная благотельница кн. Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская, писатель С. Набоков и так далее. И, конечно же, легендарный «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев. Но это уже другой разговор...

Список источников и литературы.

1. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 213. Оп. 1.Д.2295.Л. 301.
2. УФ ГАЯО (Углический филиал Государственного архива Ярославской области). Ф 84.Оп.1.Д.1354.Лл.3-7
3. Куприн А.И. Рассказы. - М., 1979.- С. 294-311
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах/ Сост. и коммент. И.С. Чистовой. Т. 1.- М., 1988.- 720 с.
5. То же, Т. 2. - 704 с.
6. Русская старина. - 1900. Февраль.- С. 393-413; Март.- С. 603-616

*Землянская Н.С.,
историк-краевед, член президиума
городского отделения ВООПиК*

Ярославская усадьба профессора Зиновьева

Известно, что Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801-1884), бывший профессор Демидовского высших наук училища в Ярославле (преобразованного в 1834 г. в лицей) в начале своей педагогической карьеры был учителем великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Это было в конце 1820-х гг. В те годы А.З. Зиновьев, выпускник словесного отделения Московского университета, преподавал латинский и русский языки в Благородном пансионе при университете. В 1827 г. бабушка Михаила Юрьевича, Елизавета Алексеевна Арсеньева, привезла внука в Москву для поступления в Благородный пансион. Остановились они на ул. Трубной у своих дальних родственников Мещериновых, имевших трех сыновей, один из которых, Владимир, впоследствии учился вместе с М.Ю. Лермонтовым. По рекомендации хозяйки, Елизаветы Петровны, бабушка пригласила А.З. Зиновьева готовить внука для поступления в Благородный пансион по русскому и классическим языкам. Он же отвечал за весь процесс обучения наукам и его результаты. Впоследствии, М.Ю. Лермонтов, учась в пансионе, до 16 апреля 1830 г. оставался под присмотром своего наставника. Сохранились воспоминания Алексея Зиновьевича о своем, ставшем знаменитым, ученике в период пребывания того в пансионе. ” Как теперь смотрю я на милого своего питомца , отличившегося на пансионском акте, - вспоминает А.З. Зиновьев. - Среди блестящего собрания он прекрасно произнёс стихи Жуковского “К морю” и заслужил громкие рукоплескания”. Тут же Лермонтов удачно исполнил на скрипке пьесу и, вообще, на этом экзамене обратил на себя внимание, получив первый приз, в особенности, по русскому языку.

А.З. Зиновьев обладал литературным даром, любил поэзию, был прекрасным декламатором. В “Московском вестнике“ был опубликован его рассказ “Возмездие”. Им же были опубликованы два стихотворения “Волга” и

“ Смерть праведника”. Алексей Зиновьевич внимательно относился к первым поэтическим трудам юного поэта. Об этом говорят пометы, которые оставил М.Ю. Лермонтов в своей рукописной тетради со стихами. Так против шестой строфы в поэме “ Черкесы” рукой поэта

написано:” Зиновьев нашел, что эти стихи хороши”. Под влиянием А.З. Зиновьева Лермонтов вместе с друзьями выпускал рукописный журнал “ Утренняя заря”. В 1830 г. М. Ю. Лермонтов окончил Благородный пансион “ с весьма хорошими успехами”. В этом же году Алексей Зиновьевич Зиновьев получил должность профессора кафедры словесности, древних языков и русского красноречия в филиале университета, Демидовском высших наук училище в Ярославле. Возможно, второй поворот в его судьбе, произошел не без протекции все тех же Мещериновых, имевших родственников в Ярославской губернии.

Профессорская должность в престижном учебном заведении Верхнего Поволжья, а вместе с этим и материальное благополучие, позволили мещанскому сыну войти в привилегированное общество. В 1833 г. он женился на дворянке Любови Ивановне Назимовой, вероятно, дочери Тайного советника Ивана Алексеевича. Возможно, из их рода происходил декабрист, член Северного тайного общества, Михаил Александрович Назимов, отбывавший ссылку в Сибири и переведенный в 1837 г. оттуда на Кавказ. где в начале 1840-х гг. входил в круг знакомых М.Ю. Лермонтова. Брат жены Зиновьева - Владимир Иванович Назимов (1802-1874) дослужился до генерала и в 1849-1856 гг. стал попечителем Московского учебного округа.

Встал вопрос о собственном доме для молодых. Где до этого жил Алексей Зиновьевич, неизвестно, вероятно, снимал квартиру. Вскоре А.З. Зиновьев приобрел небольшую усадьбу в центре Ярославля.

Дом, где жил учитель М.Ю. Лермонтова, был обнаружен нами случайно при изучении истории дома № 33 по Волжской набережной. Владельцем того дома на начало 1840-х гг. был чиновник А. Виноградов, а соседом его с северо-запада, на углу ул. Кедрова и Волкова, дома № 9/8 (б. М. Варваринской и Никольской) - профессор А.З. Зиновьев. Дом, принадлежавший когда-то А.З. Зиновьеву, давно привлекал внимание исследователей. Известный ярославский архитектор В.Ф. Маров обратил внимание на первый этаж дома, который сохранил мощные стены, широкие угловые лопатки, планировку палатного типа. В.Ф. Маров датировал дом серединой XVIII в. и считал, что первоначально дом был одноэтажным, а 2-й этаж “надстроен”. Действительно, дом расположен в глубине двора под углом к красным линиям улиц, его второй этаж имеет декор (фигурные филенки) начала XIX в. . Архивные исследования не только подтвердили предположения В.Ф. Марова, но и раскрыли богатую историю дома, рассказали о его владельцах на разное время.

А зацепочкой, с которой удалось раскрутить клубок, оказалось имя одного из сподвижников Федора Волкова по любительским спек-

таклям в Ярославле. По данным краеведов начала XX в. этот дом во 2-й половине XVIII в. принадлежал почтмейстеру Попову. В труппе Ф. Г. Волкова играли братья Поповы Яков и Алексей. Оба служили в Ярославской провинциальной канцелярии: первый был канцеляристом, а второй писцом. В труппе драматического театра, созданного в 1756 г. в Петербурге, остался Алексей, а Яков был награжден чином регистратора и отправлен домой. Известно, что в отставку он вышел в 1785 г. Его жена Анна Михайловна проходит по документам как “коллегии иностранных дел переводчица”. Именно ей принадлежал этот дом с постройками. Усадьба досталась Анне Михайловне по купчей, вероятно, во 2-й половине XVIII в. от канцеляриста Андрея Семенова Маметева. (На середину XVIII в. - он прихожанин церкви Рождества Христова). Анна Михайловна завещала усадьбу своему сыну - секретарю Ярославской провинциальной канцелярии Ивану Яковлевичу Попову. Тот в 1807 г. продает усадьбу :

” деревянный на каменном фундаменте дом с принадлежащим к нему строением, состоящему ...в приходе церковью Рождества Христова и Варвары Великомученицы со всею дворовою и огородною землею”,...что досталось от матери , а ей от Маметева, “да причисленных к оному дому дворовых людей” (5 чел.) своей жене Марье Андреевне за 500 руб. серебром. Хотя по купчей дом проходил деревянным на каменном фундаменте, на топографических планах 1760-х гг. дом показан как каменный. Возможно, он был на каменном полуэтаже (т.е. полуподвальный этаж). При взгляде на дорегулярную средневековую планировку становится понятным угловое положение дома по отношению к регулярным улицам. Усадьба раньше располагалась в северо-западном углу жилого массива у перекрестка улиц Христо - Рождественской (на XIX-нач. XX вв. - М. Варваринской) и Николо – Надеинской.

В соответствие с планировкой средневековых усадеб дом стоял в глубине двора и имел крыльцо со стороны ул. Никольской. Служебные постройки располагались по ул. Христо - Рождественской. Регулярным планом 1778 г. в центре города предусматривались каменные дома и новая владелица сразу же на основе старого дома построила 2-х этажный каменный и новые каменные службы. Возможно, обновилась и деревянные постройки. Затраты по строительству, Марья Андреевна , по обычаю того времени, решила восполнить доходами от казенных поставок, подрядов и винных откупов, под залог недвижимого имущества. В связи с этим провинциальная секретарша Марья Андреевна отдает усадьбу в залог. Сохранилось описание усадьбы в 1808 и 1812 г.г.:” Дом каменный 2-х этажный...в приходе церкви Рождества Христо-

ва на Рождественской улице ...и Никольского переулка...мерою по Рождественской 11, поперек 7 саж. , крыт тесом, покоев ...жилых в нижнем этаже 7, кладовая 1, и оные все со сводами, окошек 19 с железными затворами, дверей 9, из них 2 железные, печей 4. В верхнем этаже покоев 8, окон 26, дверей 10, из них столярных 5; печей 5. Потолки накатные, а полы во всем доме тесовые. Надворного строения: баня каменная со сводами, мерою в длину 2 саж., 1 арш., поперек 1 саж. и 2 арш. “ погреб с напогребенниками деревянными, 2 конюшенных сарая, кухня, каретный сарай и все оные покрыты тесом. Ворота деревянные и вся земля обнесена забором. Под домом и подвалом и строением земли по Рождественской ул. -34, по Никольской - 20 саж.” Перед нами добротная небольшая городская усадьба с необходимыми хозяйственными постройками. Наличие в доме сводчатых подвалов подтверждает “почтенный” возраст дома. Описание дома на 1812 г. еще более скупое, главное внимание в нем уделялось конструкции дома:” ...В верхнем этаже 2 капитальные стены. Нижний этаж со сводами, в нем кладовые и 4 капитальные стены. Под оным домом бутового камня 100 куб. саж., кирпичу во всем здании 30000 , связного железа 150 пуд. ...”

К сожалению, краткое описание интерьеров дома дает слабое представление об имущественном положении его владельцев. Лишь упоминание о 5 (из 10) столярных дверях на 2-м этаже косвенно указывает на скромный облик интерьеров.

В 1833 г. усадьбу (на тот период Титулярной советницы) М.А. Поповой приобрел Алексей Зиновьевич Зиновьев- профессор Демидовского высших наук училища (преобразованного в 1834 г. в лицей). Вскоре, (в 1836 г.) новый владелец тоже отдал усадьбу в залог по казенным подрядам и поставкам.

В связи с этим было составлено описание и оценка усадьбы. Как правило, в описание входило: габариты, конструкция построек и их состояние; планировка интерьеров, их функциональное назначение и отделка. Описание стилистики фасадов делалось очень редко. И на этот раз губернский архитектор П.Я. Паньков составил типовое описание: ” Дом каменный 2-х этажный..., с принадлежащей землей, с лица оштукатурен и окрашен. На оном крыша по деревянным стропилам покрыта листовым железом с водосточными трубами... При оном с лица и позади крыльца тесовые...Из крыльца в нижний этаж ход в сени. В сенях свод и пол кирпичной. Из них 2 входа в полатку. .. вход в переднюю. В сенях парадная лестница во второй этаж деревянная...В нижнем этаже помещается комнат: полатка, сени, передняя зало, гостиная и кухня.” Вероятно, как вариант, карандашом дописано:” спальня, буфет, деви-

чья”. “Все оные с кирпичными сводами. В полатке пол кирпичный и 2 окна с железными затворами и таковыми же решетками...; в протчих 7-ми комнатах полы двойные черные, бревенчатые а чистые тесовые соснового леса насланы по переводам. Печей галанских из поливных изразцов 4 с медными душниками и чугунными выюшками и железными топочными дверцами. Окон 21, в них рамы летние, створчатые с приборами и зимние глухие соснового леса с полубелыми стеклами... В кухне печь русская с чугунными выюшками и железною заслонкою..., двери однополотные тесовые... В передних комнатах 10 дверей створные, филенчатые на железных петлях с медными замками и задвижками, выкрашены белилами на масле и покрыты лаком. В нижнем этаже все комнаты оштукатурены и раскрыты разными колерами”. Из описания видно, что первый этаж, по обычаю, имел больше служебное назначение, оформление интерьеров довольно скромное.

“Во втором этаже 10 комнат, в них полы черные бревенчатые, а чистые тесовые, насланы по переводам, все выкрашены на масле желтой краской, накаты бревенчатые, оштукатурены: передняя, зало, гостиная, спальня, девичья, гардеробная, 2 детских и 2 кабинета. В них во всех комнатах 6 печей галанских из поливных изразцов..., 13 дверей, створчатые, филенчатые на коленчатых петлях с медными замками, задвижками и завертками, выкрашены на масле под дуб и под красное дерево и покрыто все лаком. Окошек 28, в них рамы летние дубовые с белыми стеклами с медными и железными приборами... Все комнаты оштукатурены и раскрыты разными колерами...” Второй этаж жилой и отделка побогаче. Для приема гостей зало и гостиная, для работы 2 кабинета. Вероятно, один для хозяина, а второй для занятий детей. В семье Зиновьевых было двое детей: в 1835 г. родился сын Иван, ставший впоследствии послом в Константинополе, в 1839 г. - сын Николай, которому судьба уготовила поприще сенатора.

Во дворе дома стояли деревянные служебные постройки: флигель, в котором размещались 2 кухни, людская изба, конюшня, каретный сарай, 2 погреба и амбар. Все постройки покрыты “по деревянным стропилам в два теса “. Перед нами среднепоместная городская усадьба (людская изба предназначалась, вероятно, для дворовых людей).

А.З. Зиновьеву же принадлежала и огородная земля напротив дома, через Никольскую ул., в соседнем квартале.

Преподавая в лицее, Алексей Зиновьев много и плодотворно работал. Писал труды по русской и всеобщей истории, истории лингвистики, педагогики, статьи краеведческого характера. А.З. Зиновьев играл

видную роль в деятельности “ Общества любителей российской словесности “, открытого при училище еще в 1814 г.

С.П. Покровский, в своем труде по истории лицея писал: ” ...с середины 1820-х г.г. в поэзию студентов вливаются два новых литературных течения - сентиментализм и романтизм, принесенные в училище профессорами Ханенко и Зиновьевым.” Публикации А.С. Зиновьева встречаются в “Ярославских губернских ведомостях”. Всего в Ярославле им было написано и опубликовано около 30 работ. В Ярославле Алексей Зиновьев прослужил 25 лет, продвинувшись по службе от чиновника 8 класса до статского советника. В 1846 г. он выходит в отставку и переезжает в Москву. Однако, в 1847 г. он был утвержден профессором русской словесности в Лазаревском институте восточных языков (возможно, по протекции брата жены В. И. Назимова).

Ярославскую усадьбу (“ каменный 2-х этажный дом со строением и землею “площадью 322 кв. саж. и огородную землю напротив - 136 кв. саж.) А.З. Зиновьев продал, согласно купчей, в 1848 г. г. генерал - майору Николаю Ивановичу Горскому за 4 286 руб. серебром. Однако, по плану г. Ярославля 1847 г. владелицей проходит его жена Софья Горская. По документам 1860-х гг. новый владелец умер, так и не успев “ войти во владение”. Усадьба переходит к его вдове генерал - майорше Софье Горской. На начало XX в. дом принадлежал наследникам купчихи 2-й гильдии Свойкиной Клавдии Федоровны: Павлу и Екатерине Ивановичам Свойкиным. Владение было небольшое. С юго-восточной стороны дома, вдоль ограды, стояли каменные одноэтажные службы, на ул. М. Варваринскую выходил небольшой одноэтажный дом, с юго-востока вдоль ул. Николо - Надеинской узкой полосой тянулся сад. Дом сдавался в наем, среди жильцов: дворянин, чиновник Контрольной палаты Скульский П.Н., губернский секретарь Пасхалис К.А., остальные - мещане, крестьяне. В годы Советской власти усадьба была нарушена : нет дворовых построек, сада, остался лишь жилой дом. За эти годы дом обветшал и требует реставрации.

Источники:

1. ГАЯО, Ф. 55, оп.1, д. 342, 1808г.; д. 1999, 1858 г.; Ф. 151, оп.2, д. 9191, 1836 г.; д. 23716, 1830-е гг.; Ф. 485, оп.5, д. 192 1913 г.; Ф. 501, оп. 1, д. 1699, 1858 г.; оп.2, д. 31. 1847 г.; Ф. 509, оп.2, д. д. 1974,1982, нач. XX в.; оп. 3, д. 374;
2. Список домов г. Ярославля поулично//Календарь Ярославской губернии на 1877. - Ярославль, б/г.

3. Егоров С. Ярославское высших наук училище.- Ярославль, 1980.
4. Фабричникова Л. Учитель Лермонтова жил в Ярославле на углу Никольской и Христорожественской //Московский комсомолец в Ярославле.-2001.-12-19 апреля.-С.6.
5. Козлов П.И., Маров В.Ф. Ярославль: Путеводитель-справочник. - Ярославль, 1988 .
6. Лермонтовская энциклопедия. - М.: Сов. энциклопедия, 1981.
7. Мельгунов Б.В. “Всему начало здесь...”: Некрасов и Ярославль. - Ярославль: Верх. Волга, 1997.

Н.Н.Пайков
доцент кафедры русской литературы
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

ЛЕРМОНТОВ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПРЕДТЕЧА И «УЧИТЕЛЬ» НЕКРАСОВА

И в широком общественном мнении, и в традиции школьного образования, и по субъективным ощущениям многих Н.А. Некрасов и М.Ю. Лермонтов если и не выступают как абсолютные психологические и художественные антиподы, то кажутся поэтами, принадлежащими к заведомо разным идеологическим и эстетическим «цивилизациям». Один – аристократ, байронист, «демон» русской литературы, философский богоборец и индивидуалист, сугубо романтическая личность. Другой – разночинский демократ, утопический социалист (а, по последним оценкам, еще и христианский гуманист), «печальник горя народного», критик общественных язв и выразитель прогрессивных идеалов.

Однако эта последовательно мотивированная оппозиция носит все признаки культурной мифологии. Как культурный «миф» Лермонтова, так и культурный «миф» Некрасова суть не более, чем естественный способ бытования семиотических представлений в общественном сознании. Благодаря каждому мифологическому комплексу обеспечивается узнаваемость, «картинность», отличительность этих культурных явлений от им подобных.

Сколько-нибудь вдумчивый анализ обнаруживает наличие совсем иначе акцентированных отношений: при «очевидной» *разнице* культурной среды, идеалов и поведенческих форм не менее очевидное *родство* индивидуального психологического склада, культурно-философской позиции и художественно-эстетических предпочтений.

Так, несомненна социально-биографическая нетождественность жизненного пути двух поэтов: будь то материальные условия жизни (богатое родовое поместье – захудалый дом в нищей деревне в семье выслужившегося дворянина) или воспитательная сфера (любовно-кропотливая и предупредительно-потакающая забота бабушки, в одном случае, – религиозно-отчужденное затворничество матери; увязшее в заботах об источниках материальной выгоды, в хозяйственных распоряжениях и находящее единственную отраду в удовлетворении охотничьих страстей, социальных амбиций, родственной «гульбы» самодостаточное существование отца, прерывающееся время от времени спорадическими «поучающими указаниями», в случае другом), будь то возможности личного развития (самая широкая сфера «творческой» самореализации одного – предоставленное более всего самому себе возрастание деревенского «дичка» у другого) или перспективы жизненной карьеры (университет или гвардейская служба – чиновничья или воинская лямка «для пропитания собственной особы»).

Столь же разнятся у Лермонтова и Некрасова формы и мотивы самоутверждения. В одной ситуации это сословно-родовое и художественно-метафизическое фрондерство старшего, исходящее из жадности самоутверждения и абсолютизированной меры ценностной взыскательности, в другой – творческая, коммерческая, идеологическая борьба младшего за место под солнцем ввиду его социальной, материальной и, в немалой степени, духовной необеспеченности. Даже поводы к художественной саморефлексии того и другого исторически и этико-философски не имеют под собой сходных оснований. Лермонтова гнетет невостреманность его «пассионарных» сил и идеалов; Некрасова оскорбляет оподленность человеческих отношений, социальная ущербность личности, лишенность большинства шансов на культурную состоятельность; Лермонтов переживает трагедию воли, Некрасов – трагедию судьбы.

И, однако же, судьба наделила каждого из поэтов весьма сходным психологическим типом личности – воинствующего деятеля, волевого экспериментатора, меланхолического, скептического, склонного к впадению в депрессивные состояния рефлектера и метафизически чувствительного рационалиста.

У обоих (как ни у кого из их современников, исключая, разве, Ф.И. Тютчева) сквозным эмоциональным пафосом «ночного» мироощущения и творчества стали «печаль» душевной дисгармонии и тревоги, «страдание» от лжи, обмана, предательства, коварства, подлости, «тоска» одиночества и отсутствия перспективы, «ирония» по отношению к

людям и себе самому, «гнев» протеста и жажда «мести» «царяющему злу», стыдливо скрываемая потребность в красоте, любви, преданности, сочувствии и неверие в возможность идеала.

И тот, и другой через В.А. Жуковского приобщились к рафинированному идеализму немецких романтиков: к энтузиазму йенцев, к христианизированному фольклоризму гейдельбержцев, к мистицизму берлинской школы; через героиню декабристов прочувствовали (но позже и критически оценили) филиппики и восторги В. Гюго и П.Ламартина; благодаря лейкистам и В. Скотту приблизились к пониманию кельтско-мифологического трагического оптимизма, а из творений Дж.Г. Байрона и П.Б. Шелли прочно усвоили метафизического тираноборчества.

Естествен (но отчего-то проходит мимо внимания) вопрос: *кто* мог дать Некрасову именно такие, как у него, поэтические крылья, кого можно поставить с ним в сопоставительную связь из предшествующего творческого поколения?

В самом деле, могла ли эту миссию исполнить мать поэта, смиренная христианская подвижница? Или старшая сестра Елизавета, делившаяся с братом плодами своих литературных предпочтений? Быть может, следует ее возложить на гимназических учителей Некрасова: на латиниста-библиотекаря И.С. Топорского, раздававшего ученикам на дом литературные журналы, заполненные цветистой «бенедиктовщиной», и про которого поэт вспоминал как про физика; на П.П. Туношенского, преподававшего ученикам Духовной смирны и дворянской гимназии азы стихосложения и сочинение речей «по образцам»; на профессора Демидовского камерального лицея А.А. Зиновьева (некогда в Московском университетском пансионе преподававшего отечественную словесность и юноше Лермонтову), которого, однако, Некрасов, в лучшем случае, только видел, а может быть, даже и не слышал?

Откуда уже в юношеских «Мечтах и звуках» у Некрасова возник тип страждущей и мятущейся романтической личности? Где Некрасов почерпнул формы субстанционального конфликта личности с миром? Кто дал ему образчик понимания художественной рефлексии как средства мифологизации субъекта и бытия? Кем ему была подана мысль обрывать личностный миф романтиков в миф биографический?

Как только мы признаем эти вопросы законными и существенными, мы тотчас вынуждены будем согласиться, что такой Учитель (может быть, по началу и вовсе неосознанно) у Некрасова был! И даже в единственной реальной альтернативе: Тютчев – Лермонтов (два Учителя «поэта мести и печали»), два романтических светила в сонме иных мер-

цающих звезд отечественной лирики 1830-х годов) перед Некрасовым на первое место должен встать именно Лермонтов. При этом самые сближения и несходства двух поэтов в этой параллели становятся говорящими.

Новое время – новые песни, а душа поэта (поэта одного и того же типа) все та же. А Лермонтова и Некрасова разыгранный в различных биографических обстоятельствах роднит один и тот же *тип романтической личности*. Субстанциональное одиночество того и другого прочитывается и осознается ими самими как будто по-разному, но одиночество гордыни и презрения к ничтожеству и одиночество загнанности и покинутости отливаются у них в единой мощи лютейшую ипохондрию. Сотканность характера обоих из одних и тех же психологических и духовных, поведенческих и умозрительных антиномий позволяет констатировать не просто сходство двух натур, но утверждать прямое их родство. Железное самообладание в равной степени скрывает душевную ранимость каждого. Сосредоточенность на высших проблемах человека и общества оборотной стороной имеет самые «мелочные» и нелицеприятные обстоятельства житейского существования. Немедленная готовность обоих к вызовам судьбы уравнивается их фатализмом. Способность к сильнейшему душевному и поэтическому подъему дополняется холодным и трезвым анализом обстоятельств, устройства человеческого существования, движений собственной души. Открытость молитвенной экстази, потребность покаяния и нравственного очищения противоположным полюсом имеет метафизическое сомнение, бунт и скепсис. Даже этико-психологический (если не сказать эстетический) патриотизм как-то парадоксально уживаются у Лермонтова и Некрасова с социально-государственным нигилизмом.

Оба художника являют собой также и ярчайшее воплощение *поэта личностной и философско-романтической героики*. О внутренне присущем героизме натуры участника Кавказской кампании, представляемого за мужество и доблесть к наградам, очередному офицерскому званию и золотому оружию, говорить излишне. О внутренней близости ему его героев – бородинского ветерана, купца Калашникова, Мцыри, Арбенина, Демона, вероятно, тоже. Героика натуры и творческой устремленности второго поэта не так общепризнаны. Зачем же тогда в письме к Л. Толстому Некрасов признается в горячем желании бросить все и ехать в осажденный Севастополь? О чем свидетельствуют его строки, вроде следующих?

Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,

Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет –
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед!

Что позволило А.М. Скабичевскому предложить такой пассаж в своих воспоминаниях о поэте? – «Это был человек, обладавший сильными страстями, которые постоянно требовали исхода в каких-нибудь потрясающих впечатлениях, и мелкая тина повседневных дрызг претила ему. По самой натуре своей это был боец в том смысле, что для него, как вода для рыбы, необходима была борьба с такими препятствиями и опасностями, в которых заключался бы более или менее отважный риск. Одним словом, Некрасов принадлежал к типу тех людей, из которых вырабатываются или отважные мореходы и путешественники, Колумбы, Куки, Ливингстоны, или пираты и контрабандисты».

А в творчестве не к той ли породе, что и автор, принадлежат Огородник Некрасова, лирический герой «Родины», «Когда из мрака заблужденья...», «Я за то глубоко презираю себя...», «Мы с тобой бестолковые люди...», поэт-обличитель из стихотворения «Блажен незлобивый поэт...», умирающий из «Последних элегий» и малой поэмы «В больнице». Таковы же его «гражданин», автобиографические герои Тростников и Валежников, поэтические облики цензора Н.Ф.Крузе и реформатора Н.А.Милютин («Кузнец»), адресаты «мартиролога» «русской земли людям замечательным», «светлые личности» и «учителя» из «Медвежьей охоты», галерея крестьянских «портретов крупным планом» от Якима Нагого и Савелия-богатыря, Матрены Тимофеевны и разбойника Кудеяра до «старообряд» Кропильникова и Гриши Добросклонова.

Но та же романтико-героическая направленность творчества Лермонтова и Некрасова имеет не только «психологическую» мотивацию, но и собственно эстетическую, находящую свое воплощение в интенциональных авторских посылах, строящих комплекс романтического героя. Так, романтически ориентированный герой и Лермонтова и Некрасова рождается в свет отнюдь не для того, чтобы «встроиться» в существующее мироустройство, но чтобы снискать, утвердить, завоевать, наконец, себе непременно *особенное* место. Каким оно окажется: судьбою гения, тирана, бунтаря, Колумба или пирата – вещь второстепенная; главнейшая же задача всей жизни вырваться из цепей посредственности, обрести личную славу. Отсюда исторические или литера-

турные образцы того и другого: Наполеон, горцы-абреки, Байрон или вожди русской демократии, Шекспир, Вальтер Скотт, Теккерей. В том же романтическом комплексе двух поэтов коренится и их потребность в мифической родословной художника – шотландской или испанской у одного и польской у другого. По тем же причинам каждому из них органична опора только на предельные, исключительные, абсолютные критерии во всем: будь то культ одиночества или побуждение к созидательной деятельности, уровень эмоциональной экспрессии или масштаб духовных ценностей и эталонов, жажда праздника чувственного бытия или танатическое устремление к смерти.

Комплекс структуры сознания и судьба романтического героя организуется единством и борьбой противоречий, антитез, антиномий, катахрез. Об этом свидетельствует лермонтовский «Парус» (более всего у предшественника любимый Некрасовым, по его собственному признанию); таково некрасовское стихотворение «Не знаю, как созданы люди другие...» и многие еще.

У обоих поэтов не только отчетливо вычленяются ситуативно-конкретные сюжеты и эмоционально-ценностные мотивы отдельных произведений. Но, вместе с тем, сквозь все творчество того и другого проходят и некие (своеобразные у каждого, но не менее масштабные) субстанционально-метафизические «сюжеты» и духовно-ценностные коллизии.

У Лермонтова это развертывающиеся комплексы обмана в любви, в надеждах, во всех человеческих ценностях; избранничества и бунтарства, вызова обществу, человеческой (слабой) природе, мирозданию и Богу; гонимости, странничества, узничества; памяти сердца и забвения, сна, покоя смерти, приобщения в вечности и абсолюту.

У Некрасова это также несущие в себе внутренний динамизм развития антиномические комплексы духовной расколотости личности, общества, мироздания: на «правду» высших духовных ценностей и «правду» необходимости выживания, борьбы за существование; на «правду» убеждений, служения, подвижничества и «правду» камерной жизни человека, семейных ценностей, личного счастья; на «правду» потребности личности в прочном союзе и безупречных отношениях, в доверии, благородстве, искренности и «правду» неповторимости индивидуального психологического устройства личности, ее душевных проявлений, мировидения, эгопотребностей; на «правду» исторического развития общества и «правду» национального духовно-психологического склада народа; на «правду» земного существования и «правду» надличностного, предвечного, абсолютного духовного Бытия.

И поверх всего у обоих трагический ракурс понимания жизни человека и трагический пафос ее творческого воплощения.

Есть у них и то, что в своем различии лишь указывает на факт развития от эпохи к эпохе одних и тех же проблем и художественных построений. Это можно было заметить уже в выше приведенных тезисах. Вот еще один характерный пример. Лермонтовское художественное сознание и творческая практика развивают такую мифологизирующую модель, при которой осуществляется сознательная и гипертрофированная подверстка фактической канвы биографии поэта под контуры и структуру «универсального» романтико-страдальческого и романтико-героического мифа. У Некрасова же мы находим «обратный», но того же задания процесс: он тоже романтизирует, художественно осмысляет и обрабатывает факты своей жизненной истории, но не для того, чтобы их редуцировать их до основного романтического типа, а чтобы из обстоятельств и перипетий собственной жизни выстроить не менее романтический, однако именно особенный, если угодно, «индивидуально-биографический» миф.

Вот уж где мы не находим зримого преемства, так это в поэтической и стиховой культуре. В строфике соотношение общепринятых и индивидуальных форм у всех поэтов классической традиции примерно одно и то же: 3 к 1. В области эвфонии и аллитерации уровень насыщенности текста также сохраняется примерно на одном некогда достигнутом уровне. И, наоборот, в соотношении декламативности и романности, с одной стороны, и говорных форм организации и интонирования речи, а также соотношения работы в двухсложниках и трехсложниках резкая грань пролегает между поэтами пушкинской поры, включая Лермонтова, и поэтами середины века – поздним Тютчевым, Некрасовым и Фетом.

Однако система романтических мотивов, образов, топосов, компонентов основного эмоционального тона или, по выражению В.В. Гиппиуса, «слов-сигналов» Лермонтова и Некрасова ставит именно этих двух поэтов за одни скобки, а прочих их современников за другие.

Конечно, любая мера сходства или творческого родства каких бы то ни было художников никоим образом не отменяет оригинальности их творческой индивидуальности. И не об этом шла у нас речь. Но глубокое уяснение мирозерцательных и эстетических сходжений творцов культуры позволяет почувствовать, как именно их творческое наследие, обязательно претворяясь в иные формы, трансформируясь, семантически «сдвигаясь», тем не менее «перетекает» по одному ему ведомым законам из одного художественного русла в его продолжение. Творческое взаимодействие двух самобытных художников поэтического слова, Лермонтова и Некрасова, думается, весьма убедительный тому пример.

Россия Лермонтова

Материалы Вторых Лермонтовских чтений

Октябрь 2001 г.

Редколлегия:

Ахметдинова С. Ю.

Герасимова А. А.

Ярославцева И. В.

Материалы сборника издаются в авторской редакции

© Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова

муниципального учреждения культуры

«Централизованная библиотечная система города Ярославля»

© Текст – авторы статей